ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2023. Т. 68, № 1

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2023. Т. 68, № 1

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. И. Бельский – Помощник Президента Республики Беларусь по вопросам финансово-кредитной системы, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белоруссов России, Совет при Президенте Российской Федерации, по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2023. Т. 68, № 1.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 13.01.2023. Выход в свет 26.01.2023. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 76 экз. Заказ 8.
Цена номера: индивидуальная подписка – 12,66 руб., ведомственная подписка – 29,74 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2023

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2023, vol. 68, no. 1

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belsky – Assistant to of the President of the Republic of Belarus on the Financial and Credit Sistem, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Vladimir V. Gnilomedov – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Alexander I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vasily L. Gursky – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Editorial Council:

Alexander N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center "Nauka" of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
Gerd Hentsthel – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
Aleksey Ye. Daineko – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr P. Tolochko – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2023, vol. 68, no. 1.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *S. N. Kostsyuk*

Signed to print on 13.01.2023. Published on 26.01.2023. Format 60×84 1/8. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 76 copies. Order 8.
Number price: individual subscription – BYN 12.66, departmental subscription – BYN 29.74.

Publisher and printing execution:
Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2023

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Дождикова Р. Н. Трансформации обыденного познания в современном обществе 7

ГІСТОРЫЯ

Колос А. В. Становление и хозяйственная деятельность машинно-тракторных станций в БССР (1930–1939 гг.) 15

МОВАЗНАЎСТВА

Одинаев Т. Н. Улицы г. Гродно (Республика Беларусь) и г. Термеза (Республика Узбекистан): принципы номинации 24

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Шидловский С. О. Дворянское поместье на белорусских землях в дореформенный период: крепостная эксплуатация и патриархальное попечение над крестьянами 35

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Дуктава Л. Г. Культурныя коды ў мастацкім творы: асноўныя падыходы да класіфікацыі 44

ПРАВА

Семенихин М. А. К вопросу гражданской правосубъектности электронных лиц 53

ЭКАНОМІКА

Гурский В. Л. Теоретические основы формирования общей стратегии развития промышленности государств–членов ЕАЭС 61

РЭЦЭНЗІІ

Часнакова К. В. In varietate concordia: да пытання імагалогіі 72
Навасельцава Г. В. Фоталетапіс жыцця і творчасці Максіма Танка 75

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Уладзімір Васільевіч Гніламедаў (Да 85-годдзя з дня нараджэння) 78
Пётр Георгіевіч Нікіценка (Да 80-годдзя з дня нараджэння) 82
Владимир Григорьевич Гусаков (К 70-летию со дня рождения) 85

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Dozhdikova R. N. Transformations of everyday cognition in modern culture 7

HISTORY

Kolos A. V. Formation and economic activity of the MTS in BSSR (1930–1939) 15

LINGUISTICS

Odinaev T. N. Godonyms of the city of Grodno (Belarus) and the city of Termez (Uzbekistan): principles of nomination 24

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Shydlouski S. A. Noble manors in Belarus lands in the pre-reform period: servitude exploitation and patriarchal care of the peasants 35

LITERARY SCIENCE

Duktava L. G. Cultural codes in the art: basic approaches to classification 44

LAW

Semenikhin M. A. To the question of civil legal personness of electronic persons 53

ECONOMICS

Hursky V. L. Theoretical foundations for the formation of a common strategy for the development of the industry of the EAEU member states 61

REWIEWS

Chesnakova K. V. In varietate concordia: revisiting hte iconology 72
Novoseltseva A. V. Photo chronicle of the life and work of Maxim Tank 75

SCIENTISTS OF BELARUS

Vladimir Vasilievich Gnilomedov (To the 85th Anniversary of Birth) 78
Peter Georgievich Nikitenko (To the 80th Anniversary of Birth) 82
Vladimir Grigoryevich Gusakov (To the 70th Anniversary of Birth) 85

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 165
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-7-14

Поступила в редакцию 04.11.2022
Received 04.11.2022

Р. Н. Дождикова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Целью исследования является анализ трансформаций обыденного познания в современном обществе на основе гносеологической парадигмы В. С. Степина. Данная парадигма является продуктивной научно-исследовательской программой, которая позволила нам структурировать обыденное познание и систематизировать его функции. В настоящем исследовании эксплицированы трансформации объекта, субъекта, целей и средств обыденного познания в современном цифровом обществе. Рассмотрены особенности влияния цифрового технокода на субъект обыденного познания. Сделан вывод, что гносеологическая парадигма В. С. Степина является плодотворной методологической основой исследования обыденного познания и его трансформаций в современном обществе.

Ключевые слова: трансформации, культура, цифровой технокод, объект, субъект, цели, средства обыденного познания, научно-исследовательская программа

Для цитирования: Дождикова, Р. Н. Трансформации обыденного познания в современном обществе / Р. Н. Дождикова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 7–14. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-7-14

Raisa N. Dozhdikova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

TRANSFORMATIONS OF EVERYDAY COGNITION IN MODERN SOCIETY

Abstract. The focus of the study is on analyzing the transformations of everyday cognition in modern society on the basis of the epistemological paradigm by V. S. Stepin. This paradigm is a productive research program that has enabled us to structure everyday cognition and systematize its functions. In the present study the transformations of the object, subject, goals and means of everyday cognition in the modern digital society have been identified. The specific character of the influence of digital technocode on the subject of everyday cognition has been considered. It is concluded that the epistemological paradigm by V. S. Stepin is a fruitful methodological basis for the study of everyday cognition and its transformations in modern society.

Keywords: transformations, culture, digital technocode, object, subject, goals, means of everyday cognition, research program

For citation: Dozhdikova R. N. Transformations of everyday cognition in modern society. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 1, pp. 7–14 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-7-14

Введение. Трансформации в современном цифровом обществе коснулись не только быта обычного человека, характера и типа его коммуникаций, его поведения и деятельности, сознания и мышления, но и науки, политики, всех форм общественного сознания. В этом смысле данные трансформации носят всеобщий (тотальный) характер. Целью данного философского исследования является анализ трансформаций обыденного познания в современном обществе. В связи с поставленной целью сформулированы следующие задачи: рассмотреть методологические предпосылки исследования феномена обыденного познания и его функций, проанализировать трансформации субъекта, объекта, целей и средств обыденного познания, выявить особенности влияния цифрового технокода на субъекта обыденного познания в условиях современной культурной динамики, а также проблемы цифровой социализации.

© Дождикова Р. Н., 2023

Методологические предпосылки исследования. Понять феномен обыденного познания, его структуру, функции и современные трансформации позволяет гносеологическая парадигма В. С. Степина. В качестве парадигмы выступают «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [1, с. 11]. Парадигмы не только предлагают *план деятельности,* но и указывают *направления его реализации:* «Осваивая парадигму, ученый овладевает сразу теорией, методами и стандартами, которые обычно самым теснейшим образом переплетаются между собой» [1, с. 143].

В. С. Степин открыл так называемый эффект Мидаса, согласно которому все, чего касается наука, становится объектом ее исследования. Но этот эффект может быть отнесен и к научной теории самого В. С. Степина: к чему бы она ни прикоснулась (культура, наука, философия, обыденное познание), все начинает структурироваться в соответствии с ее основными идеями и теоретическими схемами. Культура как сложная система надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения программирует субъекта обыденного познания, формирует картину его жизненного мира, идеалы и нормы познавательной деятельности, его жизненную философию.

По утверждению В. А. Лекторского, идеи В. С. Степина «сильнейшим образом повлияли на то, что делается сегодня. Ибо речь идет не просто об отдельных мыслях, но и о своеобразных исследовательских программах, которые задают проблемное поле и определяют способы познавательной деятельности. <...> Таким образом, труды Вячеслава Семеновича – это своего рода «Энциклопедия философских наук» [2, с. 12–14], они включают в себя эпистемологию, философию науки, социальную философию, антропологию и философию культуры.

В соответствии с данной позицией мы рассматриваем философию В. С. Степина как продуктивную исследовательскую программу, которая позволяет понять структуру обыденного познания и систематизировать его функции. Гносеологическая парадигма В. С. Степина включает в себя: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы исследования (идеалы и нормы описания и объяснения, доказательности и обоснования, а также идеалы строения и организации знания); 3) философские основания науки [3, с. 706–707]. Рассматривая данную гносеологическую парадигму как универсальную, равно применимую к научному и обыденному познанию, мы экстраполировали ее на обыденное познание и, используя метод конструктивного переопределения В. С. Степина, структурировали обыденное познание в соответствии с данной парадигмой. С этой точки зрения обыденное познание включает в себя: 1) картину жизненного мира; 2) идеалы и нормы обыденного познания; 3) философию здравого смысла [4, с. 75; 5, с. 264; 6, с. 20–21]. Такое структурирование обыденного познания стало для нас плодотворной основой систематизации функций обыденного познания.

Исходя из данного методологического подхода, обыденное познание на уровне картины жизненного мира выполняет *онтологическую, мировоззренческую и эвристическую функции*, способствует получению субъектом обыденного познания предметного знания о своем жизненном мире, синтезу, интерпретации и трансляции различных форм знания. Картина жизненного мира может *программировать поведение, деятельность и общение* субъекта обыденного и научного познания, вдохновлять на различного рода открытия и творческие свершения, поэтому можно говорить об *эвристической функции* обыденного познания [6, с. 21].

Нормативно-регулятивная функция обыденного познания связана с идеалами и нормами обыденного познания и получением нормативного знания о мире человеческой деятельности. Философия здравого смысла осуществляет *рефлексивную функцию,* а также *функцию сохранения и трансляции жизненного опыта*. Для философии здравого смысла характерны элементы рефлексивного знания о преобразованном мире и самом себе. Обыденное познание выполняет важную *прогностическую и экзистенциальную функции,* поскольку здравый смысл позволяет достаточно эффективно оценивать и прогнозировать динамику и исход той или иной жизненной ситуации, а также помогает нам отличать существенное от случайного и неважного и выбирать то решение, которое принесет реальную пользу, т. е. выполняет *селективную функцию.* Такое понимание обыденного познания позволяет выделить его когнитивные элементы – предметное, нормативное и рефлексивное знание [7, с. 10]. В контексте обыденного познания происходят воспроизвод-

ство мировоззрения эпохи, формирование и дальнейшая модернизация собственной обобщенной картины человеческого жизненного мира, которая помогает человеку ориентироваться и действовать в современном мире [8, с. 197]. Обыденное познание «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [9, с. 3] и в этом смысле выполняет *функцию субъектного программирования* не только соответствующих ценностных ориентиров, идеалов и норм, но и образа жизни, координирует действия субъекта обыденного познания [6, с. 21]. Когнитивный анализ функций обыденного познания позволил нам выделить его *методологическую функцию*, а также *функции производства, потребления и нарративной интерпретации знания* [6, с. 23–25].

Трансформации обыденного познания. В современном информационном обществе происходит своеобразное переформатирование картины жизненного мира, идеалов и норм обыденного познания, коррекции, трансформации, а иногда искажению и забвению подвергается даже философия здравого смысла. Жизненный мир современного человека порой также подвергается забвению или замене миром виртуальным. Призыв «Назад к природе» (Back to Nature), выдвинутый Ж.-Ж. Руссо в период Промышленной революции, в современную цифровую эпоху, эпоху так называемой четвертой, или цифровой революции, трансформировался в лозунг «Назад к реальности» (Back to Reality). Виртуальная и игровая зависимость формируется зачастую как неприятие реальности, своеобразное бегство от реальности. Инфантилизм, несамостоятельность, клиповое мышление являются последствиями тотального распространения аудиовизуальных СМИ.

Живое человеческое общение утрачивается даже между близкими, родными людьми, что неминуемо ведет к дефициту понимания. В современном цифровом обществе «роскошь человеческого общения» превращается в дефицит живого общения, трансформируется в проблему социокультурного понимания, а также проблему формирования речевого мышления, которое, согласно Л. С. Выготскому, отличает человека от животного и машины. На смену живому слову приходит письменное в его сокращенном варианте: комп – вместо компьютер, чел – вместо человек, препод – вместо преподаватель и т. д. Например, Метрополитен-музей – Мет не только для американцев. Возникает глобальная дислексия на уровне мировой культуры.

Если родители не разговаривают с детьми «глаза в глаза», если предпочитают виртуальную реальность живому родственному общению, неизбежно возникает не только дефицит общения и понимания, доходящий у детей до аутизма, дислексии и неумения общаться, проговаривать свои мысли, но и глобальный дефицит понимания (семейного, учебно-образовательного, социокультурного). Не может быть понимания между родителями и детьми, учителями и учениками, если отсутствует это живое человеческое общение! Его не может заменить даже телекоммуникация f2f (face-to-face, лицом к лицу), которая иногда может стать формой отчуждения людей.

Степинские принципы классификации научного и обыденного познания по предмету, средствам, продукту, методам и субъекту деятельности [3, с. 45–53] позволили нам рассмотреть изменение предмета, средств, методов, продукта и субъекта обыденного познания в современном цифровом обществе [10, с. 31–32]. Происходит своеобразное расширение и переформатирование объекта обыденного познания за счет виртуальной реальности и возможностей Интернета, оцифровки информации, книг, документов и т. д. «По образу и подобию машины» меняется и упрощается субъект обыденного познания, интеллектуальный багаж, кругозор, языковое поле которого сужается вследствие постепенной утраты интереса к книжной культуре и формирования клипового мышления [10, с. 32]. Человеку угрожает опасность превращения в биопсихосоциальную приставку к компьютеру. Трансформации субъекта обыденного познания связаны с появлением так называемого цифрового человека, программы поведения и общения которого задаются социальными сетями, смарт-реальностью, Интернетом. Можно сказать, что трансформации обусловлены «сращиванием», своеобразной интеграцией современного субъекта обыденного познания с умными гаджетами, техническими нейросетями. Когда подобная интеграция нарушается вследствие утраты умных гаджетов, возникает так называемый «синдром ампутации», о котором заявляют современные психологи и врачи. Субъект обыденного познания испытывает «синдром отмены», который можно даже сравнить с ломкой наркомана. Наиболее распространенный портрет субъекта обыденного познания – это «человек с опущенной головой», физически слабым, неразвитым телом и невербальным (визуальным) мышлением, которое характеризуют

как клиповое мышление. Поэтому в Германии наиболее популярным определением, характеризующим современное общество, является термин «Generation Kopf unten» (буквально, «поколение с опущенной головой»), поскольку сегодня взгляды большинства людей, прежде всего молодого поколения, устремлены в гаджеты, что и требует постоянно опущенной головы [11, с. 21].

Помимо генетического кода и культурного социокода возникает своеобразный цифровой технокод, который во многом начинает определять существование человека и его функционирование в качестве субъекта обыденного познания. На самом деле цивилизационные технокоды существовали всегда, но именно в современную эпоху цифровые технокоды начинают программировать поведение, деятельность и общение субъекта обыденного познания, порой в большей степени, чем морально-духовные социокоды. «Цифру можно назвать своеобразной точкой роста различных видов цифровой реальности: цифровой культуры, науки, дигитальных технологий, человека цифровой реальности (поколения Z), цифровой экономики, дигитального капитализма» [4, с. 9], дигитальной философии, цифрогенной цивилизации как нового этапа техногенной цивилизации. Для дигитальной философии субстанцией является цифровой код [11, с. 3–22].

Современная цифровая культура определяет не только программы поведения, деятельности и общения, но также язык, стиль мышления и образ жизни субъекта обыденного познания. Субъект обыденного познания меняется изнутри, секрет его будущего долголетия в том, что «внутри человек станет немного машиной, а машины немного очеловечатся. Робокоп уже реальность, ведь гидравлические протезы реагируют на сигналы мозга, а значит, возможен бионический человек. По мнению одного из ведущих футурологов, в ближайшие 35 лет появятся киборги. Добавьте в эту «солянку» возможности продления жизни, связанные с использованием нанороботов, или сохранение личности в Сети после физической смерти – и мир станет совсем иным. Уже существуют умные автомобили, умные дома, умные системы и цифровая жизнь» [12, с. 39]. У субъекта обыденного познания оцифрованы доходы, расходы, работа, заработок, удовольствия и развлечения.

Расширяются, дополняются и трансформируются средства обыденного познания. Так, в качестве средства обыденного познания может выступать смартфон, компьютер, ноутбук, планшет, электронная книга, активно используются возможности искусственного интеллекта. В то же время возможности собственного интеллекта и даже собственных органов чувств используются недостаточно. Более того, человек перестает доверять себе, своей голове и чувствам, как бы «не верит собственным глазам». На деле происходит своего рода техническое ослепление. Решая какую-либо жизненную задачу, субъект обыденного познания обращается не к собственной голове, а к Интернету, без собственного критического осмысления. Зачастую он так и остается на уровне «детского» мышления и мировоззрения.

Интернет выступает не только как мощный инструмент познания, но и как коммуникационный медиум, «который сделал возможным общение людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [13, с. 15]. По утверждению Рейнгольда, сети «расползаются как колонии микроорганизмов» [14, с. 339]. На смену «галактики Гутенберга» и «галактики Маклюэна» пришла галактика Интернет [13, с. 15; 14, с. 339]. Интернет способен поставлять «информационную энергию» для любых сфер человеческой деятельности [13, с. 13], в том числе для познавательной деятельности субъекта обыденного и научного познания.

Информационные технологии превратили мир в тотально связанную смарт-среду, качественно изменилось общение между людьми, их поведение в Интернете, способы деятельности и заработка: «Благодаря обыкновенному, вполне доступному смартфону каждый может позволить себе общаться со всем миром в режиме реального времени. <...> Колоссальный эффект цифровой революции <...> заключается в том, что все мы оказались на связи друг с другом. Сегодня 7,5 млрд человек могут мгновенно созвониться по мобильному телефону. Мы превратили смартфон в еще более умное средство – в аппарат для сделок. <...> Поистине это тектонический сдвиг <...>. Человечество постепенно оцифровывается, а значит, границы между нами стираются и отчуждение преодолевается» [12, с. 24–25]. Но подобная тотальная связь всех со всеми напрягает, мешает нормальной жизни и деятельности человека, его мозга, создает новые проблемы и перегрузки, поскольку че-

ловеческий мозг не в состоянии осуществить селекцию, обработку и усвоение всей получаемой информации. Будущее же общества зависит от того, сможет ли человек справиться с постоянно растущей информационной нагрузкой, ведь для него жизненно важна не информация вообще, а только выделенная информация, соответствующая его нуждам, интересам, целям и ценностям.

Анализ модифицированных средств обыденного познания (повседневного языка) поможет диагностировать изменения в мышлении, образе жизни и потребностях субъекта обыденного познания [10, с. 31]. Например, потребность в признании принимает превращенные накопительные и иные патологические формы, ведет не только к накоплению «лайков» под фотографиями, «сэлфи» и другими формами «самоотчета», но и к нарциссизму. Продукт обыденного познания (рецепты деятельности и поведения), его приемы и методы рассматриваются современными исследователями (М. Минским, И. Гофманом) как фреймы, процедурные знания, аналог фреймов для искусственного интеллекта. Можно рассматривать подобные рецепты как своеобразные программы деятельности, поведения и общения субъекта обыденного познания, его повседневные технологии.

Проблемы цифровой социализации. Анализируя повседневность как познание, И. Т. Касавин сделал вывод о том, что она «выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [15, с. 414]. На современном этапе информационного общества обыденное познание осуществляет *функцию цифровой социализации* индивида, связанную с цифровыми возможностями его познавательной деятельности, общения и поведения [4, с. 156]. В парадигме всеобщей цифровизации сознание и познание рассматриваются через призму программного обеспечения. Согласно Д. Деннету, сознание представляет собой своего рода ментальное программное обеспечение, перестраивающее функциональную архитектуру мозга [16]. Это программное обеспечение сознания человек получает через механизмы и практики обыденного познания.

Субъект обыденного познания имеет дело с различными видами реальности: физической, виртуальной, игровой, «смарт-реальностью», нанореальностью, а также псевдореальностью, поэтому актуализируется задача согласования «жизненного мира с новыми расширенными представлениями о реальности» [17, с. 72]. Виртуальная реальность «проникает всюду и во многом определяет нашу жизнь. Это создает новые возможности для человеческого развития, но одновременно порождает новые проблемы», связанные с трудностью, а иногда и невозможностью для человека интегрировать всю поступающую противоречивую информацию, которая зачастую является дезинформацией, фабрикуемой пост-правдой. «Пост-правда», которой нас окружают и которая используется в активно ведущихся информационных (дезинформационных) войнах, – это способ манипуляции человеком» [18, с. 21]. Обычному человеку в повседневной жизни очень трудно отделить «зерна от плевел», найти надежные ориентиры в мире дезинформации [19, с. 98–108]. Погружение в виртуальную реальность еще не сформировавшейся личности фактически представляет собой уход от действительности (бегство от реальности, угроз и рисков), приводит к искаженному восприятию реальности, прямым психическим отклонениям, «цифровому слабоумию» [20, с. 97–106]. Сила человека в его разуме, мышлении, но если он делегирует эти качества машине, то это может стать его слабостью, деградацией вида *Homo sapiens*.

Получается, что человеку даже думать не надо, умные гаджеты сами делают выбор за него: что ему смотреть, чем заняться в Интернете. Умные гаджеты анализируют предпочтения человека, а сам он перестает анализировать ситуацию. Просто идет по предложенной сноске. Но так ли это хорошо, что «человеку даже и думать не надо»? То, что не работает, деградирует. Это касается и мышц человека, и его интеллектуальных сил. Сейчас созданы умные чипы, которые позволяют программировать ощущения человека, принимающего пищу. К примеру, он ест здоровую еду (овощи), а ему кажется, что это картофель фри или гамбургер. Не приведет ли такое программирование человека к превращению его в послушного биоробота с букетом психических отклонений (раздвоением личности, шизофренией и т. д.)?

Проблема заключается и в том, что в век умных машин и технологий обычный человек окажется не нужен. В своей книге «Человек цифровой» (в главе 4 разделе 5 «Нам потребуется меньше

людей») Крис Скиннер пишет: «Человек – это источник проблем. Люди подвержены эмоциям, они устают и теряют концентрацию. <...> Машина куда эффективнее человека (люди работают слишком медленно). <...> Машину можно запрограммировать так, чтобы она все делала верно с первого раза, справлялась с задачей каждый раз и никогда не ошибалась. Человека – нельзя. Люди – самое слабое звено, от них нужно избавиться» [12, с. 103–104]. С нашей точки зрения, такой взгляд на человека можно обозначить как *цифровой фашизм* [21, с. 65].

Еще одной проблемой современной цифровизации является «цифровой разрыв», порождаемый существующим неравенством в отношении Сети, дифференциацией между «интернет-имущими» и «интернет-неимущими» [13, с. 284]. Этот «цифровой разрыв» связан не только с возрастными, образовательными, но и имущественными, семейными, а также географическими различиями, например, между городом и деревней, а также с особенностями работы и проблемами здоровья (инвалидностью).

В документальном российском фильме «Репортажи из будущего (Домашние помощники XXI века)», вышедшем на экраны в 2016 г., говорится о возможности получить домашнюю еду, не участвуя в ее приготовлении, а используя 3D-принтер, и других перспективах умных гаджетов. А как быть с перспективами самого человека? Сбываются прогнозы научной фантастики Рэя Брэдбери с его проектом «Умного дома» в рассказе «Убийца» и романе «451 градус по Фаренгейту», Айзека Азимова в рассказе «Обнаженное солнце», где человек попадает под полный контроль умных роботов, которые лучше самого человека знают, что ему делать можно, а что нельзя.

Тема современных трансформаций стала настолько актуальной, что это в той или иной степени понимают даже дети, играющие с трансформерами. Трансформерам посвящены фильмы, комиксы, компьютерные игры. Распространяющаяся сейчас концепция трансгуманизма направлена против человека в его современном виде, против естественной человеческой психосоматики. Одним из проявлений трансгуманистических тенденций и нового варварства является мода на пирсинг, вживление металлических конструкций в различные части головы и тела, тату, дреды, интерес к экстрасенсам, магам и колдунам, что, с одной стороны, является возвратом к дикости, магическим ритуалам, которые якобы могут защитить человека от различных опасностей, с другой стороны, вживление железок в разные части тела и головы может свидетельствовать о скрытом желании человека стать роботом-трансформером, киборгом, мутантом (человеком-пауком и т. д.), а также являться проявлением комплекса неполноценности (желания усилить себя искусственными средствами). Культивирование такой моды, «подогревание» интереса к подобным действиям, темам и фильмам являются лоббированием проблемы генетического трансформирования, включая смену пола, трансформирования телесности, своеобразным культом трансгендеров на переживающем «закат» Западе.

Цифровизация касается всего: сегодня цифруются книги, завтра будут цифровать ценности, а если послезавтра возникнут проблемы с энергоносителями, все может погибнуть безвозвратно. Вызовы цифровой цивилизации могут привести к «суициду массмедиа», так как «массмедийным технологиям угрожает неизлечимая болезнь – гибель материалов, документирующих и передающих информацию. <...> Даже книга, главный инструмент распространения знаний, стала вымирать» [22, с. 40]. У. Эко утверждает, что «новая цивилизация компьютера» угрожает просвещению в целом [22, с. 40–41]. Информация превращается в средство игры, в том числе геополитической, розыгрыша, обмана, различного рода фальсификаций и сконструированной пост-правды.

Тотальная власть социальных сетей, Интернета ведет к трансформации человеческого сознания, мышления и речи, появлению целой армии легко манипулируемых и внушаемых молодых людей с клиповым мышлением, не способных к саморефлексии. Пророчества В. В. Вересаева, писателей-фантастов (Р. Брэдбери, А. Азимова, Пьера Буля и других) становятся реальностью, поскольку трансформации подвергается не только тело человека, но и его мышление, сознание. Идет активная «промывка мозгов», навязывание опасных стереотипов мышления и поведения, ошибочных взглядов и убеждений через социальные сети, фильмы-фэнтези, моду, что приводит к *когнитивной уязвимости субъекта обыденного познания*.

Заключение. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что гносеологическая парадигма В. С. Степина является плодотворной методологической основой

исследования разнонаправленности современных трансформаций обыденного познания при доминирующей интенции на освоении электронных средств и методов, вследствие чего картина жизненного мира небывало усложняется. Анализ трансформаций обыденного познания и современных проблем цифровой социализации позволил диагностировать проблемы социального здоровья общества, выявить когнитивную уязвимость субъекта обыденного познания, а также вскрыть корни фундаментальных культурных изменений в современном социуме.

Список использованных источников

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского, Л. А. Марковой. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.

2. Коэволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Степина: материалы «круглого стола» / В. И. Аршинов [и др.] // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 7–45. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-7-45

3. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

4. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание в контексте цивилизационного развития / Р. Н. Дождикова. – Минск: БНТУ, 2020. – 210 с.

5. Дождикова, Р. Н. Современная структура обыденного познания / Р. Н. Дождикова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2021. – Т. 66, № 3. – С. 263–270. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270

6. Дождикова, Р. Н. Когнитивный анализ функций обыденного познания / Р. Н. Дождикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2022. – № 2. – С. 18–26. https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26

7. Лукашевич, В. К. Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске / В. К. Лукашевич. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 299 с.

8. Дождикова, Р. Н. Специфика обыденного познания и формирование образа науки в общественном сознании / Р. Н. Дождикова // Вопр. философии. – 2018. – № 7. – С. 196–206. https://doi.org/10.31857/S004287440000241-0

9. Степин, В. С. О методологических подходах к анализу социального познания / В. С. Степин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2014. – № 3. – С. 3–10.

10. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации / Р. Н. Дождикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 1. – С. 30–40.

11. Миронов, В. В. Тоска по истинному бытию в дигитальной культуре / В. В. Миронов, З. А. Сокулер // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2018. – № 1. – С. 3–22.

12. Скиннер, К. Человек цифровой: четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / К. Скиннер; пер. с англ. О. Сивченко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 292 с.

13. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; [пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

14. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

15. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 431 с.

16. Деннет, Д. Сладкие грёзы: чем философия мешает науке о сознании / Д. Деннет; под ред. М. О. Кедровой; пер. с англ. А. Н. Коваля. – М.: URSS, 2017. – 292 с.

17. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. – М.: Канон+, 2012. – 383 с.

18. Лекторский, В. А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма / В. А. Лекторский // Философия науки и техники. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 18–22. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22

19. Дождикова, Р. Н. К вопросу об истине в научном и обыденном познании / Р. Н. Дождикова // Вопр. философии. – 2022. – № 7. – С. 98–108. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-7-98-108

20. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке / [И. А. Герасимова и др.]; под общ. ред. И. А. Герасимовой. – М.: Унив. кн., 2017. – 309 с.

21. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание, цифровизация и цифровой фашизм / Р. Н. Дождикова // Информационные технологии в политических, социально-экономических и технических системах: материалы науч.-практ. конф., 22 апр. 2022 г. / Белорус. нац. техн. ун-т, Фак. технологий упр. и гуманитаризации; редкол.: Г. М. Бровка [и др.]; сост. А. В. Садовская. – Минск, 2022. – С. 63–65.

22. Эко, У. Университет и массмедиа / У. Эко; пер. Д. Петрины // TOPOS. – 2017. – № 1/2. – С. 28–42.

References

1. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. 2nd ed. Chicago, London, University of Chicago Press, 1970. 210 p.

2. Arshinov V. I., Blyukher F. N., Budanov V. G., Burgete Ayala M. R., Vasyukov V. V., Gerasimova I. A. (et al.). Science and culture coevolution in Vyacheslav S. Stepin's works papers of the "round table». *Filosofiya nauki i tehniki = Philosophy of Science and Technology*, 2019, vol. 24. no. 1, pp. 7–45 (in Russian). https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-7-45

3. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, historical evolution.* Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p. (in Russian).

4. Dozhdikova R. N. *Everyday cognition in the context of civilizational development*. Minsk, Belarusian National Technical University, 2020. 210 p. (in Russian).

5. Dozhdikova R. N. Modern structure of everyday cognition. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 3, pp. 263–270 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270

6. Dozhdikova R. N. Cognitive analysis of the everyday cognition functions. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2022, no. 2, pp. 18–26 (in Russian). https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26

7. Lukashevich V. K. *Creative interaction of subject, normative and reflexive knowledge in scientific search.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 299 p. (in Russian).

8. Dozhdikova R. N. Special features of everyday cognition and the development of an image of science in social consciousness. *Voprosy Filosofii*, 2018, vol. 7, pp. 196–206 (in Russian). https://doi.org/10.31857/S004287440000241-0

9. Stepin V. S. On the methodological approaches to the social cognition analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2014, vol. 3, pp. 3–10 (in Russian).

10. Dozhdikova R. N. Everyday cognition and some problems of cognitive socialization. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2018, no. 1, pp. 30–40 (in Russian).

11. Mironov V. V., Sokuler Z. A. Longing for true objective reality in digital culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 3–22 (in Russian).

12. Skinner Ch. *Digital human: the fourth revolution of humanity includes everyone.* Hoboken, John Wiley & Sons, Inc., 2018. 328 p.

13. Castells M. *The internet Galaxy: reflections on the Internet, business, and society.* Oxford, Oxford University Press, 2002. 292p.

14. Castells M. *The Information age: economy, society and culture.* Moscow, Higher School of Economics, 2000. 608 p. (in Russian).

15. Kasavin I. T., Shchavelev S. P. *The analysis of alltdglichkeit.* Moscow, Kanon+ Publ., 2004. 431 p. (in Russian).

16. Dennett D. *Sweet dreams: philosophical obstacles to a science of consciousness.* Cambridge, MIT Press, 2005. 199 p. https://doi.org/10.7551/mitpress/6576.001.0001

17. Lektorsky V. A. *Philosophy, cognition, culture.* Moscow, Kanon+ Publ., 2012. 383 p. (in Russian).

18. Lektorsky V. A. Constructive realism as the contemporary form of epistemological realism. *Filosofiya nauki i tehniki = Philosophy of Science and Technology*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 18–22 (in Russian). https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22

19. Dozhdikova R. N. About the truth in the scientific and everyday cognition. *Voprosy Filosofii*, 2022, vol. 7, pp. 98–108 (in Russian). https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-7-98-108

20. Gerasimova I. A. (ed.). *Problems and risks of engineering education in the XXI century.* Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 309 p. (in Russian).

21. Dozhdikova R. N. Everyday cognition, digitalization and digital fascism. *Informatsionnye tekhnologii v politicheskikh, sotsial'no-ekonomicheskikh i tekhnicheskikh sistemakh: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, 22 aprelya 2022 g.* [Information technologies in political, socio-economic and technical systems: materials of the scientific and practical conference on April 22, 2022]. Minsk, 2022, pp. 63–65 (in Russian).

22. Eco U. The university and the mass media. *Yale Journal of Law and the Humanities,* 1994, vol. 6, no. 1, pp. 81–94.

Информация об авторе

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент. Белорусский национальный технический университет (пр. Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: dozhdikova@inbox.ru. https://orcid.org/ 0000-0001-6389-7220

Information about the author

Raisa N. Dozhdikova – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Belarusian National Technical University (65 Nezavisimosti Ave., Minsk 220013, Belarus). E-mail: dozhdikova@inbox.ru. https://orcid.org/ 0000-0001-6389-7220

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 631.173.2(476)(091) «1930/1939»
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-15-23

Поступила в редакцию 18.02.2022
Received 18.02.2022

А. В. Колос

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СТАНОВЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ В БССР (1930–1939 гг.)

Аннотация. В результате анализа фактического материала автор пришел к выводу, что, несмотря на численный рост машинно-тракторного парка и сети МТС, за эти годы не удалось подготовить необходимое количество квалифицированных кадров, снабдить ремонтные мастерские сложным оборудованием и запасными частями. Поставки прицепного тракторного инвентаря и сложных машин отставали от снабжения МТС тракторами, что тормозило процесс механизации сельскохозяйственного производства. В результате к концу 1930-х гг. колхозы и совхозы БССР не смогли достичь запланированных высоких показателей урожайности сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: колхозы, машинно-тракторные станции, машинно-тракторные мастерские, машинно-тракторный парк, политотделы, прицепной инвентарь, технические кадры, трудовая дисциплина

Для цитирования: Колос, А. В. Становление и хозяйственная деятельность машинно-тракторных станций в БССР (1930–1939 гг.) / А. В. Колос // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 15–23. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-1-15-23

Andrey V. Kolos

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FORMATION AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE MTS IN BSSR (1930–1939)

Abstract. As a result of the analysis of the factual material, the author came to the conclusion that, despite the numerical growth of the machine and tractor fleet and the MTS network, over the years it was not possible to train the required number of qualified personnel, to supply repair shops with sophisticated equipment and spare parts. The supplies of trailed tractor implements and complex machines lagged behind the supply of tractors to the MTS, which slowed down the process of mechanization of agricultural production. As a result, by the end of the 1930s. the collective and state farms of the BSSR failed to achieve the planned high indicators of crop yields.

Keywords: collective farms, machine-tractor stations, machine-tractor workshops, machine-tractor fleet, political departments, trailed implements, technical personnel, labor discipline

For citation: Kolos A. V. Formation and economic activity of the MTS in BSSR (1930–1939). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 1, pp. 15–23 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-15-23

Введение. В отечественной историографии одними из наиболее актуальных проблем, которые в настоящее время вызывают научную дискуссию, являются становление и хозяйственная деятельность машинно-тракторных станций (МТС). В советской историографии данная проблема нашла отражение в публикациях В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого [1], А. А. Филимонова [2], М. П. Костюка [3]. В их трудах наряду с глубоким анализом присутствуют идеологические штампы, характерные для классово-партийного подхода в интерпретации фактов, что сказалось на результатах исследований. В отечественной историографии проблематика становления и хозяйственной деятельности МТС рассматривалась С. Н. Ходиным [4] и А. Н. Сорокиным [5].

© Колос А. В., 2023

В целом, к настоящему времени в отечественной историографии отсутствует концепция становления и хозяйственной деятельности машинно-тракторных станций в БССР в 1930–1939 гг., что актуализирует предмет исследования.

Цель статьи – выявить предпосылки организации, определить этапы и охарактеризовать особенности становления МТС, обосновать их роль в процессе механизации сельского хозяйства Советской Белоруссии.

Предпосылки организации МТС и особенности механизации сельского хозяйства в БССР. Создание материально-технической базы, необходимой для механизации аграрного производства, было связано с организацией МТС. Их появление обусловливалось рядом объективных причин, которые препятствовали развитию сельского хозяйства. Согласно взглядам К. Маркса и В. Ленина, переход от единоличных крестьянских наделов к коллективным хозяйствам представлялся возможным только в случае перевода производственного процесса на рельсы механизации. В. И. Ленин отмечал: «Все учение К. Маркса показывает, что если предположить мелкого хозяина собственником на средства производства и на землю, то из обмена между ними обязательно вырастет капитал, а вместе с ним – противоречия между капиталом и трудом. Борьба капитала с пролетариатом – это неизбежность, это закон, показавший себя во всем мире, и кто не хочет сам себя обманывать, тот не может этого не видеть» [6, с. 137]. Борьба с пережитками капитализма подталкивала советское правительство к установлению полного контроля над производством и распределением сельскохозяйственной продукции. В этом процессе вопрос владения сельскохозяйственной техникой сыграл решающую роль [1, с. 7–8].

В связи с тем, что коллективизация привела к росту сельских артелей, одной из главных проблем в обеспечении их техникой явился острый дефицит тракторов. Выход был найден в организации тракторных колонн. Как показал практический опыт, их массовое применение позволяло обрабатывать значительные земельные площади. Например, в 1928 г. 68 тракторов совхоза им. Т. Шевченко Одесской области обработали 15 тыс. десятин в 1163 крестьянских хозяйствах, что способствовало массовому вступлению крестьян в колхозы. Положительный опыт работы совхоза явился аргументом для строительства государственных организаций, оснащенных современной техникой, а именно машинно-тракторных станций (МТС), которые в соответствии с замыслами И. В. Сталина должны были стать опорными пунктами в социалистическом переустройстве аграрного сектора [2, с. 183].

Кроме того, они были призваны решить проблему механизации производственных процессов в аграрном секторе. При этом возник вопрос, касающийся оплаты услуг МТС и труда механизаторов. Предполагалось, что расчет с МТС будет осуществляться той продукцией, которую произведут крестьянские артели. Такой подход требовал учета реальных экономических возможностей молодых и еще очень слабых в хозяйственном отношении колхозов. Однако в условиях массовой принудительной коллективизации правительственные нормативно-правовые решения, касающиеся производственной деятельности МТС, оплаты труда персонала разрабатывались без учёта реального экономического положения крестьянских артелей. Более того, дефицит машинно-тракторной техники не позволял начать их организацию во всех регионах. Поэтому 5 июня 1929 г. на заседании Совета труда и обороны СССР было принято решение по организации преимущественно в зерновых районах ограниченного количества МТС [7].

Еще одна проблема была связана с организацией производственного процесса руководством и трудовыми коллективами МТС. В целях контроля над приобретением техники, выполнением каждой станцией плановых показателей было принято решение об образовании акционерного общества «Трактороцентр» с отделениями в советских республиках, краях и областях. Учитывался и фактор новизны данного предприятия, поэтому рекомендовалось организацию производственной деятельности МТС выстраивать на основе использования опыта, накопленного МТС им. Т. Шевченко. Вместе с тем шаблонный подход к делу предопределил стратегический просчет в планировании производственных заданий МТС. Основываясь на опыте Шевченковской МТС, специалисты подсчитали, что 5 тыс. тракторов способны охватить площадь не менее 1 млн га. В своих планах они исходили из расчета, что один трактор в состоянии обработать 200 га. Действительно, в процессе эксплуатации выяснилось, что трактор массового производ-

ства конца 1920-х гг. «Фордзон» за 70–80 рабочих дней мог произвести вспашку на этой площади при условии надлежащего технического обслуживания [8].

Именно такие нормативы были рассмотрены и утверждены директивами Совета труда и обороны СССР. На их выполнение и была нацелена деятельность «Трактороцентра», построенного по принципу акционерного общества. Соответственно, производственная деятельность трудовых коллективов МТС должна была выстраиваться на принципах хозяйственного расчета и сдельной оплаты труда механизаторов. Форма первого типового договора МТС с крестьянскими объединениями была утверждена на заседании ЦК ВКП (б) 28 сентября 1929 г. В целях решения кадровой проблемы между колхозами и МТС должны были заключаться договоры о направлении колхозников на курсы механизаторов, но их обучение осуществлялось за счет средств колхозов [9].

Таким образом, анализ материалов архивных и опубликованных документов показывает, что выполнить возлагавшиеся на МТС задачи руководству и трудовым коллективам станций было достаточно сложно.

Становление, тенденции развития и хозяйственная деятельность МТС. Первая МТС в Белоруссии – Койдановская – была организована 18 февраля 1930 г. Эта станция в приоритетном порядке обеспечивалась материально-техническими ресурсами. В апреле 1930 г. на станции эксплуатировалось 33 трактора, 4 лемешных тракторных плуга, 15 рядных дисковых сеялок и другие машины [2, с. 187]. Весной 1930 г. на курсах при МТС обучалось 150 трактористов, включая 18 девушек [10, с. 5]. Создавалась необходимая инфраструктура (стационарная и передвижная ремонтная мастерская с необходимым оборудованием, гаражи, хранилища топлива) [10, с. 15].

Ко времени организации в зоне обслуживания МТС процесс коллективизации охватил 37% крестьянских хозяйств. По этому показателю станция стала одной из лучших не только в республике, но и в СССР. Обработка колхозной земли с помощью техники способствовала росту урожайности. Например, применение рядовых сеялок повысило урожайность на 12 %. В 1930 г. план по севу озимых был выполнен на 144,5 % [10, с. 16].

Рассматривая и характеризуя деятельность руководства и трудовых коллективов МТС, необходимо обратить внимание не только на положительные, но и негативные тенденции. Во-первых, уже в начальный период на результативность хозяйственной деятельности МТС повлиял дефицит квалифицированных кадров. Во-вторых, неумелое обращение с техникой обусловило отступление от нормативов в сторону перерасхода горюче-смазочных материалов. В-третьих, непрофессиональная эксплуатация техники приводила к частым поломкам и простоям. Такой подход к организации производственной деятельности МТС противоречил интересам колхозов, которые оплачивали все эксплуатационные расходы, но не получали запланированных урожаев. В итоге к началу 1931 г. только 12,6 % колхозов зоны обслуживания заключили с Койдановской МТС новый годовой договор об оказании производственных услуг [10, с. 15].

В сложившейся ситуации плановые показатели требовали пересмотра, что и было сделано на XVI съезде ВКП(б) 26 июня – 13 июля 1930 г. Кроме того, делегатами съезда были приняты следующие директивы: первую пятилетку завершить за четыре года и превратить СССР в индустриально-колхозную социалистическую державу. После съезда правительство БССР приступило к реализации этих директив. Однако самой сложной проблемой первой пятилетки было обеспечение МТС машинно-тракторной техникой. В 1931 г. план поставок по сложным машинам был выполнен на 50 %, по тракторам – на 70 % [3, с. 177]. К концу 1932 г. в БССР насчитывалось 57 МТС с общим количеством тракторов 1469 единиц, тяговой мощностью 17,3 тыс. л/с [3, с. 178]. Количественный рост машинно-тракторного парка предопределял необходимость решения вопроса подготовки технических кадров. Однако в условиях дефицита бюджета руководство артелей не было заинтересовано в направлении колхозников на курсы трактористов, организованные при МТС. В результате весной 1931 г. было подготовлено всего 1304 тракториста при потребности в кадрах механизаторов в количестве 5600 человек, т. е. дефицит составлял 4296 человек [11, л. 28]. Положение усугублялось тем, что в республику начались поставки ранее не эксплуатируемых машин: американских гусеничных тракторов марки «Монарх», советских гусеничных тракторов марки «Коммунар», льнотеребилок «Комсомолка», 24- и 36-рядных зерновых сеялок. В связи с отсутствием на МТС подготовленных преподавательских кадров, надлежащей материально-

технической базы, необходимой для обучения курсантов, подготовка специалистов по управлению этими машинами практически не велась. В результате руководство и трудовые коллективы МТС оказались плохо подготовленными к эксплуатации новой техники. Например, когда на Гомельскую МТС в 1932 г. начали поступать американские гусеничные тракторы марки «Монарх», там не нашлось ни одного специалиста, способного ими управлять [12, л. 114–115]. Такая же ситуация сложилась и на других МТС, что, безусловно, оказывало негативное влияние на выполнение плановых заданий, результаты хозяйствования колхозов и сдерживало процесс коллективизации [13, с. 1].

Ненадлежащая подготовка и низкая квалификация кадров, выпускаемых МТС, сказывались на эксплуатации техники. Как уже упоминалось, непрофессионализм механизаторов приводил к частым поломкам и простоям техники, перерасходу горюче-смазочных материалов. Например, в 1932 г. на Буда-Кошелевской МТС по вине трактористов произошло 10 аварий тракторов, а перерасход горючего составил 18 % от планового показателя. В результате станция понесла убытки на сумму 12 млн руб. [14, с. 181]. Фактором, отягощавшим положение, стало отсутствие на МТС ремонтной базы. В течение первой пятилетки и в других хозяйствах не удалось создать необходимую сеть ремонтных мастерских, в результате аварийная техника оставалась под открытым небом, а ее ремонт затягивался на длительное время [3, с. 177].

Не способствовала решению проблемы политика по подбору и воспитанию руководящих кадров. В соответствии с партийными директивами директора МТС назначались приказами Наркомата земледелия БССР. Как правило, на руководящие посты подбирались кадры, которые являлись членами КПСС, но при этом многие из них не имели технического образования, опыта руководства трудовыми коллективами, что создавало трудности и не помогало в организации производственной деятельности МТС [4, с. 72].

Серьезной проблемой, тормозившей и осложнявшей производственную деятельность МТС, оставался вопрос оплаты труда трактористов. Начислять заработную плату по трудодням должно было руководство колхозов. Однако ввиду отсутствия путевых листов, надлежащего учета выполненных работ оплата труда механизаторов производилась «на глазок» [3, с. 178]. Такая тенденция предопределяла и программировала крупные недостатки и провалы в организации труда механизаторов. Например, осенью 1931 г. в зоне деятельности Житковичской МТС остались колхозные поля, запланированные, но не вспаханные трактористами [15, л. 30]. Правительственные чиновники констатировали, что, например, в Освейском районе показатель вспашки зяби составил всего 1,4 % от запланированного задания [16, с. 4]. Дефицит квалифицированных кадров, ремонтных мастерских, низкая трудовая дисциплина снижали производительность труда на МТС. В 1932 г. в БССР эксплуатировалось только 55 % тракторов от общего количества (т. е. практически в поле работал только каждый второй трактор). По маркам показатель эксплуатации техники был следующим: американский «Интернационал» – 59,7 %, «Фордзон-Путиловец» (Ф. П.) – 53,5 % от запланированного норматива [4, с. 72].

Негативные факторы, указанные выше, тормозили темпы механизации сельскохозяйственного производства, не позволяли решать вопрос повышения урожайности сельскохозяйственных культур в колхозах. Необходимо отметить, что весной 1932 г. МТС обслуживали только 33,1 % всех колхозов и 24 % их земельных угодий [17, с. 49]. В результате руководство колхозов не стремилось заключать с МТС новые договоры. К концу 1931 г. только 21,7 % руководителей колхозов заключили договоры с МТС на оказание услуг, что негативно сказывалось на финансово-хозяйственной деятельности и бюджете МТС [3, с. 172].

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что ставка партийно-государственного руководства СССР и БССР на хозрасчет и сдельную оплату труда механизаторов МТС полностью провалилась. Более того, в начальный период производственной деятельности МТС, который охватил 1930–1932 гг., государство не смогло предложить и наладить хозяйственный механизм, основанный на экономической заинтересованности членов трудового коллектива станций в результатах своего труда[1]. По этой причине партийно-государственное руководство СССР и БССР пошло по пути внедрения принудительного хозяйственного механизма.

[1] В основе авторской периодизации находятся данные, касающиеся развития ресурсной базы, анализа особенностей в решении кадровой проблемы, организации и оплаты труда на МТС БССР.

На втором этапе становления МТС, который охватил 1933–1935 гг., ставка была сделана на административный ресурс. В новых условиях на пленуме ЦК ВКП(б) (январь 1933 г.) было принято решение о создании чрезвычайных органов – политотделов МТС. Главная задача, которая ставилась перед ними, заключалась в решительной борьбе с пережитками капитализма (т. е. механизмом хозрасчета) и укреплением трудовой дисциплины. По состоянию на 1934 г. в БССР политотделы были созданы на 57 МТС [18, с. 15]. Помимо создания политотделов 7 февраля 1933 г. был принят новый типовой договор по оплате услуг МТС. Денежная форма оплаты заменялась натуральной (зерном, картофелем, льном и т. п.). Для того чтобы мотивировать трудовые коллективы МТС, оплата труда механизаторов была поставлена в зависимость от качества и объема выполненных работ, т. е. от тех факторов, которые в значительной мере определяли уровень урожайности и объемы колхозного производства. Вместе с тем в соответствии с постановлением оплата услуг МТС стала дифференцированной и была разделена на 7 нормативных разрядов [19].

В дальнейшем, как показала практика, на тех МТС, где были созданы политотделы, производительность труда выросла. Например, если в 1933 г. в колхозах БССР уборка зерновых была завершена к 20 октябрю, то в 1934 г. – к 10 сентября. Произошли сдвиги и в решении вопроса осенней обработки и подготовки почвы. По состоянию на 15 ноября 1934 г. в колхозах БССР норматив подъема зяби был выполнен на 107,6 % [20, л. 52].

Вместе с тем наметились положительные тенденции и в решении кадровой проблемы. Постепенная ликвидация массовой неграмотности населения, строительство в БССР школ фабрично-заводского обучения, учреждений профессионально-технического и среднего специального образования позволили улучшить подготовку механизаторских и инженерно-технических кадров, что оказало положительное влияние на деятельность трудовых коллективов МТС. Например, по состоянию на 1933 –1934 гг. по плану надо было подготовить 3200 трактористов, а на курсах МТС обучалось 3089 человек [21, л. 71].

Однако партийно-государственное руководство БССР не смогло решить проблему ремонтной базы МТС. В результате по состоянию на 31 декабря 1933 г. в Борковичской, Чашникской и Толочинской МТС не был отремонтирован ни один трактор [22, л. 46]. По состоянию на 5 января 1934 г. на всех МТС республики было отремонтировано только 9,1 % тракторов (т. е. ремонтировался каждый 10-й трактор от запланированного задания). Не продвинулись хозяйства в и ремонте главных тракторных агрегатов – двигателей. В январе 1934 г. был отремонтирован каждый 8-й двигатель (15,7 % от планового задания) [23]. В итоге в 1934 г. только на 33 МТС БССР трактора эксплуатировалось на 68,8 % от общего количества. На остальных 38 МТС работал только каждый второй трактор [18, с. 29]. В результате на протяжении 1933–1934 гг. не удалось достичь существенного подъема урожайности. Например, в 1933 г. в колхозах урожайность ржи составила 9,1 ц/га, картофеля – 100,5 ц/га [5, с. 79].

Роль МТС в процессе механизации сельскохозяйственного производства. Согласно директивам XV съезда КП(б)Б (январь 1934 г.), дальнейший подъем сельского хозяйства республики был невозможен без его механизации [24, с. 93]. В связи с этим съезд обязал директоров и начальников политотделов МТС развернуть решительную борьбу за достижение высоких урожаев колхозных полей. Были намечены и конкретные показатели в области урожайности. Результаты выполнения решений съезда и успехи в деле механизации различных типов сельскохозяйственных работ отражены в табл. 1.

Из табл. 1 следует, что механизация пахотных работ в колхозах БССР возросла в 13,2 раза, сев яровых культур – более чем в 21 раз, подъем паров – более чем в 26 раз, механизация зяби – в 37 раз, теребление льна – в 9 раз. Наименьшие изменения наблюдались в механизации молотьбы (увеличение в 6 раз), уборке зерновых (увеличение в 8 раз). Во многом такие успехи были достигнуты благодаря укреплению материально-технической базы МТС, увеличению поставок машинно-тракторной техники. В табл. 2 отражены результаты укрепления материально-технической базы МТС в БССР.

Анализ статистических данных табл. 2 показывает, что в 1939 г. тракторный парк МТС республики в сравнении с 1936 г. вырос на 4215 единиц (более чем в 2 раза). Количество 3- и 4-лемешных плугов увеличилось почти в 3 раза, численность 24- и 36-рядных сеялок возрасла в 5,4 раза,

Таблица 1. **Механизация труда в колхозах БССР в 1933–1939 гг. (в % к общему объему выполненных работ) [25, л. 20]**

Table 1. **Mechanization of labor in the collective farms of the BSSR in 1933–1939 (in % of the total volume of work performed) [25, l. 20]**

Наименование сельскохозяйственных работ	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Пахота	2,6	3,4	7,7	29	31,4	32,9	34,5
Сев яровых культур	0,8	1,9	8,1	8,6	12,8	22,1	19
Подъем пара	2,7	4,5	24,8	41,4	70,9	72,5	71,6
Уборка зерновых	0,5	0,8	1	1,2	2	5,8	9,8
Теребление льна	–	2,8	3	12,3	21,1	20,5	26,2
Подъем зяби	1,1	7,0	9,2	15,2	49,5	55,5	41,1
Механическая молотьба	7,4	13,0	14,1	31	45,1	34,8	45,1

Таблица 2. **Наличие в МТС БССР тракторов, иной посевной и уборочной техники (1936–1939 гг.) [26, л. 6]**

Table 2. **Availability of tractors, other sowing and harvesting equipment in the MTS of the BSSR (1936–1939) [26, l. 6]**

Наименование сложных сельскохозяйственных машин	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Трактора различных моделей	3859	5890	7212	8074
Плуги тракторные 3- и 4-лемешные	2215	4261	5691	6471
Сеялки 24- и 36-рядные	466	887	1697	2541
Молотилки сложные марки МК	203	464	879	1567
Картофелекопатели	43	205	404	570
Сложные льнотеребилки марки «ВНИЛ-5»	913	1098	1210	1351

сложных молотилок – в 7,7 раза, картофелекопателей – в 13,2 раза, льнотеребилок – в 1,4 раза. Таким образом, в целом за четыре года произошло значительное укрепление производственного потенциала МТС, а вместе с тем и развитие материально-технической базы, необходимой для механизации аграрного производства. На третьем этапе существенные изменения произошли и в товарной номенклатуре поставляемой МТС техники. Ввод в эксплуатацию новых тракторных заводов позволил увеличить поставки тракторов отечественных марок, что привело к вытеснению зарубежных машин [27, л. 214–215].

В то же время обозначились новые проблемы, связанные со стремительным ростом пахотных земель в колхозах и недостатком техники на МТС. Требовались новые подходы к организации и повышению производительности труда механизаторов тракторных бригад. В связи с этим во второй половине 1930-х гг. активно поощрялось развитие социалистического соревнования и стахановского движения, что оказало положительное влияние на выполнение плановых заданий. Например, если в 1934 г. ни один тракторист за период полевых работ не произвел вспашку на площади 1 тыс. га, то в 1936 г. насчитывалось 53 тракториста-стахановца, которые выполнили эту норму. В 1936 г. 200 льнотеребильщиков выполнили механическую уборку льна на площади свыше 500 га [28, с. 16]. Рост машинно-тракторного парка, развитие социалистического соревнования позволили увеличить площадь обрабатываемых колхозных угодий. Так, если в 1935 г. тракторами МТС обрабатывалось 48,7 % пахотных земель колхозов, то в 1938 г. – 95,7 %, т. е. почти весь объем засеваемого клина [5, с. 78].

Безусловно, на этом этапе одной из важнейших проблем, которую решало партийно-государственное руководство СССР и БССР, являлась подготовка квалифицированных технических кадров, способных обслуживать новую технику. Например, в 1937 г. было запланировано подготовить 5300 трактористов, а обучение прошли 5482 человека, планировалось подготовить 450 льнотеребильщиков, а обучились этой профессии 816 человек. Вместе с тем плановые показатели по подготовке других специалистов выполнялись не в полном объеме. Например, в 1937 г. на курсах предусматривалось обучение 400 комбайнеров, а подготовку прошли 365 человек [29, с. 223].

Однако и на этом этапе проблемами, которые тормозили процесс механизации, являлись организация и оплата труда механизаторов МТС [5, с. 81]. Практика задержки заработной платы не была искоренена, что вызывало уход квалифицированных специалистов. Очень медленно ре-

шалась проблема со специалистами, имевшими высшее образование, инженерно-техническим персоналом. В 1938 г. на 227 МТС работали только 2 старших механика, имевших высшее образование, 38 таких специалистов имели среднее специальное образование. Никакой технической подготовки не имели 806 шоферов, 965 льнотеребильщиков, 2004 машиниста сложных молотилок, 1002 машиниста льнотрепалок [30, л. 3]. Несмотря на то что в годы второй пятилетки правительством принимались меры по электрификации производственных процессов, в 1939 г. только 17 % МТС было электрифицировано [31, л. 35].

Отсутствие высококвалифицированного инженерно-технического персонала, необходимого ремонтного оборудования на МТС, запасных частей, слабая электрификация производственных мощностей оказывали негативное влияние и тормозили процесс механизации сельского хозяйства. По этим причинам весной 1939 г. на колхозных полях работало 65–70 % тракторов, только 20–25 % рядовых сеялок, около 50 % льнотеребилок марки «ВНИЛ-5», что не способствовало росту урожайности колхозных полей [30, л. 4]. Например, в 1939 г. в сравнении с 1933 г. урожайность ржи осталась практически неизменой и равнялась 6,3 ц/га [32, с. 207].

Выводы. Таким образом, основываясь на всестороннем анализе фактического материала, определены этапы, присущие процессу становления МТС в БССР. Первый охватил 1930–1932 гг., второй пришелся на 1933–1935 гг., третий происходил в 1936–1939 гг. На первом этапе процесс становления МТС тормозился из-за дефицита финансовых и технических ресурсов, отсутствия квалифицированных механизаторских и инженерно-технических кадров. Существенные недостатки наблюдались в процессе заключения договоров с колхозами, их обслуживании, организации производственного процесса, основанного на принципах хозяйственного расчета. В МТС господствовала низкая трудовая дисциплина, практически не увеличивалась производительность труда.

На втором этапе правительством республики были предприняты меры по укреплению материально-технической базы МТС. Существенные сдвиги в организации труда произошли благодаря созданию на МТС политотделов, развитию стахановского движения, социалистического соревнования. Однако на этом этапе государство не смогло обеспечить МТС ремонтными мастерскими, новой техникой, провести электрификацию наиболее трудоемких производственных процессов, решить проблему кадров. По этим причинам в обслуживаемых МТС колхозах не удалось достигнуть запланированных показателей роста урожайности основных сельскохозяйственных культур.

На третьем этапе произошли коренные изменения в создании и укреплении материально-технической базы МТС. В 1939 г. в сравнении с 1936 г. тракторный парк МТС республики вырос более чем в 2 раза. Количество 3- и 4-лемешных плугов увеличилось почти в 3 раза, численность 24- и 36-рядных сеялок выросла в 5,4 раза, сложных молотилок – в 7,7 раза, картофелекопателей – в 13,2 раза, льнотеребилок – в 1,4 раза. В целом, на третьем этапе значительное укрепление производственного потенциала, успехи в решении кадровой проблемы обусловили решающую роль МТС в процессе механизации аграрного сектора. В 1939 г. по сравнению с 1936 г. механизация пахотных работ в колхозах БССР достигла 34,5 % (к общему объему засеваемых земельных площадей). Механизация сева яровых культур увеличилась более чем в 21 раз, подъем паров – более чем в 26 раз, механизация зяби – в 37 раз, теребление льна – в 9 раз. Наименьшие изменения наблюдались в механизации молотьбы (увеличение в 6 раз) и уборке зерновых (увеличение в 8 раз).

Список использованных источников

1. Данилов, В. П. Очерки коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках / В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий. – М.: Госполитиздат, 1963. – 234 с.

2. Филимонов, А. А. Главная сила и опора советской власти / А. А. Филимонов. – Минск: БГУ, 1982. – 349 с.

3. Костюк, М. П. Победа колхозного строя в Белорусской ССР / М. П. Костюк. – Минск: Наука и техника, 1981. – 448 с.

4. Ходзін, С. М. Індустрыялізацыя беларускай сельскай гаспадаркі ў 1921–1939 гг.: трансфармацыя зместу / С. М. Ходзін // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. – 2018. – № 2. – С. 68–74.

5. Сарокін, А. М. Рэха эпохі крайнасцяў. Беларуская вёска: ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гг.) / А. М. Сарокін. – Мінск: Права і эканоміка, 2005. – 302 с.

6. Ленин, В. И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М., 1974. – Т. 43. – С. 130–144.

7. Об организации машинно-тракторных станций [Электронный ресурс]: постановление Совета труда и Обороны СССР от 5 июня 1929 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28460#znkWvFTC8Sa0sInZ1. – Дата доступа: 15.12.2021.

8. Геруцкий, К. К опыту большевиков: роль машинно-тракторных станций [Электронный ресурс] / К. Геруцкий // Коммунистическая партия Беларуси. – Режим доступа: http://www.comparty.by/news/k-opytu-bolshevikov-rol-mashinno-traktornyh-stanciy. – Дата доступа: 10.11.2021.

9. Типовой договор машинно-тракторной станции с крестьянскими объединениями [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), 28 сент. 1929 г.]. Приложение № 3 к п. 30, пр. ПБ № 100 // Исторические материалы. – Режим доступа: http://istmat.info/node/60287. – Дата доступа: 15.11.2021.

10. Сташэўскі, В. Койданаўская МТС / В. Сташэўскі. – Мінск: Беларус. дзярж. выд-ва, 1931. – 48 с.

11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 338. Оп. 1. Д. 179. Л. 28.

12. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 584. Оп. 1. Д. 86. Л. 144–115.

13. Скарскі, І. Мы не авалодалі сельскагаспадарчымі машынамі / І. Скарскі // Камунар: орган Сеннен. РК КП Беларусі і райсавета. – 1932. – Жнівень. – С. 1.

14. Памяць: Буда-Кашалёўскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / [уклад. У. Я. Райскі]. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – 2 кн.

15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп.1. Д. 5195. Л. 30.

16. Галадзед, М. Аб ходзе зябліва / М. Галадзед // Зара калгаса: орган палітаддз. Рэчыц. МТС. – 1933. – Жнівень. – С. 4.

17. БССР к XI з'езду Саветаў: стат. зб. / Кіраўніцтва Нар.-гасп. учота БССР. – Мінск: [б. в.], 1935. – 127 с.

18. Ратнек, К. К. Першы год работы палітаддзелаў МТС БССР / К. К. Ратнек. – Мінск: Парт. выд-ва БССР, 1934. – 101 с.

19. Типовой договор машинно-тракторной станции с колхозом от 25 июля 1933 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – Режим доступа: https://istmat.org/node/23732. – Дата доступа: 15.11.2021.

20. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6666. Л. 1–70.

21. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6148. Л. 71.

22. НАРБ. – Ф. 52. Оп. 1. Д. 13. Л. 46.

23. Спецсообщение из Минска о ходе ремонта тракторов по МТС БССР, по данным на 27 декабря 1933 – 5 января 1934 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – Режим доступа https://istmat.org/node/62184. – Дата доступа: 16.11.2021.

24. XV съезд КП(б)Б, Минск, 16–22 января 1934 г. // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – ф-л Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – Т. 3: 1933–1945. – С. 73–98.

25. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14258. Л. 20.

26. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14258. Л. 6.

27. ГАГО. – Ф. 584. Оп. 1. Д. 86. Л. 214–215.

28. Рябов, А. Ф. Укрепление материально-технической базы колхозов Белоруссии в годы второй и третьей пятилеток (1933–1940): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 571 / А. Ф. Рябов. – Минск, 1968. – 19 с.

29. Статистические сведения Наркозема БССР о подготовке кадров механизаторов в республике (1936–1939 гг.) // Коллективизация сельского хозяйства: важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства / редкол.: А. И. Азаров [и др.]. – Минск, 1973. – С. 355–363.

30. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14258. Л. 3–4.

31. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13019. Л. 35.

32. Костюк, М. П. Трудовой вклад крестьянства в победу и упрочение социализма / М. П. Костюк; науч. ред. И. М. Игнатенко. – Минск: Наука и техника, 1986. – 238 с.

Referenses

1. Danilov V. P., Ivnitskii N. A. *Essays on the collectivization of agriculture in the Union republics*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 234 p. (in Russian).

2. Filimonov A. A. *The main strength and support of Soviet power*. Minsk, Belarusian State University, 1982. 349 p. (in Russian).

3. Kostyuk M. P. *Victory of the collective farm system in the Byelorussian SSR*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1981. 448 p. (in Russian).

4. Khodzin S. M. Industrialization of Belarusian agriculture in 1921–1939: transformation of content. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Journal of the Belarusian State University. Historical Sciences*, 2018, no. 2, pp. 68–74 (in Belarusian).

5. Sarokin A. M. *An echo of the era of extremes. Belarusian village: Hell of Decret and the Code of the Land (1917–1990)*. Minsk, Prava i ekanomika Publ., 2005. 302 p. (in Belarusian).

6. Lenin V. I. Speech at the All-Russian congress of transport workers. *Complete works. Vol. 43*. 5th ed. Moscow, 1974, pp. 130–144 (in Russian).

7. On the organization of machine and tractor stations: resolution of the STO of the USSR, June 5, 1929. *ConsultantPlus*. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28460#znkWvFTC8Sa0sInZ1 (accessed 15.12.2021) (in Russian).

8. Gerutskii K. *To the experience of the Bolsheviks: the role of machine and tractor stations*. Available at: http://www.comparty.by (accessed 10.11.2021) (in Russian).

9. *Model agreement of a machine and tractor station with peasant associations*: *[approved by a resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, September 28, 1929]. Appendix no. 3 to p. 30, etc. PB, no. 100*. Available at: http://istmat.info/node/60287 (accessed 15.11.2021) (in Russian).

10. Stasheuski V. *Koidanovskaya MTS*. Minsk, Belarusian state publishing house, 1931. 48 p. (in Belarusian).

11. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 338. Op. 1. D. 179. L. 28. (in Russian).

12. *State Archive of the Gomel Region*. F. 584. Op. 1. D. 86. L. 144–115. (in Russian).

13. Skarski I. We did not give in to rural-pastoral cars. *Kammunar: organ Sennenskaga RKP(b)B i RKI* [Communard], 1932, August, p. 1 (in Belarusian).

14. Raiski U. Ya. (comp.). *Memory: Buda-Kashalev district: historical and documentary chronicle of cities and districts of Belarus*. Minsk, BELTA Publ., 2001. 2 book (in Belarusian).

15. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 4p. Op. 1. D. 5195. L. 30. (in Russian).

16. Galadzed M. About the progress of plowing. *Zara kalgasa: organ palitaddzela Rechytskay MTS* [Dawn of the collective farm], 1933, August, p. 4 (in Belarusian).

17. *BSSR to the 11th Congress of Soviets: statistical collection*. Minsk, 1935. 127 p. (in Belarusian).

18. Ratnek K. K. *The first year of work of the MTS Board of the BSSR*. Minsk, Party publishing house BSSR Publ., 1934. 101 p. (in Belarusian).

19. *Model agreement of the machine and tractor station with the collective farm of July 25, 1933*. Available at: https://istmat.org/node/23732 (accessed 15.11.2021) (in Russian).

20. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 4p. Op. 1. D. 6666. L. 1–70. (in Russian).

21. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 4p. Op. 1. D. 6148. L. 71. (in Russian).

22. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 52. Op. 1. D. 13. L. 46. (in Russian).

23. *Special message from Minsk on the progress of the repair of tractors by the MTS of the BSSR, as of December 27, 1933 – January 5, 1934*. Available at: https://istmat.org/node/62184 (accessed 16.11.2021) (in Russian).

24. XV Congress of the CP(b)B, January 1934. *Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov i plenumov TsK. T. 3* [The Communist Party of Belarus in the resolutions and decisions of congresses and plenums of the Central Committee. Vol. 3]. Minsk, 1985, pp. 73–98 (in Russian).

25. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 4p. Op. 1. D. 14258. L. 20. (in Russian).

26. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 4p. Op. 1. D. 14258. L. 6. (in Russian).

27. *State Archive of the Gomel Region*. F. 584. Op. 1. D. 86. L. 214–215. (in Russian).

28. Ryabov A. F. *Strengthening the material and technical base of the collective farms of Belarus during the years of the second and third five-year plans (1933–1940).* Abstract of Ph. D. diss. Minsk, 1968. 19 p. (in Russian).

29. Statistical information of the Narkozem of the BSSR on the training of machine operators in the republic (1936–1939). *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva: vazhneishie postanovleniya Kommunisticheskoi partii i Sovetskogo pravitel'stva* [Collectivization of agriculture: the most important decisions of the Communist Party and the Soviet government]. Minsk, 1973, pp. 355–363 (in Russian).

30. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 4p. Op. 1. D. 14258. L. 3–4. (in Russian).

31. *National Archive of the Republic of Belarus*. F. 4p. Op. 1. D. 13019. L. 35. (in Russian).

32. Kostyuk M. P. *Labor contribution of the peasantry to the victory and strengthening of socialism*. Minsk, Nauka i technika Publ., 1986. 238 p. (in Russian).

Информация об авторе

Колос Андрей Васильевич – аспирант. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kolos1986@gmail.com

Information about the author

Andrey V. Kolos – Postgraduate student. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: kolos1986@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.1'373.211.5 (476.6-25) + 811.512.133'373.211.5 (575.151-25)
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-24-34

Поступила в редакцию 10.11.2022
Received 10.11.2022

Т. Н. Одинаев

Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

УЛИЦЫ Г. ГРОДНО (РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ) И Г. ТЕРМЕЗА (РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН): ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются основные принципы номинации улиц городов Гродно и Термеза, обусловленные рядом социолингвистических, лингвокультурных, историко-культурных, политико-идеологических и социально-экономических факторов. На основе количественно-процентного соотношения определяются продуктивные и малопродуктивные типы и подтипы годонимов каждого из городов, выявляются общие черты и национальные особенности в системе гродненской и термезской годонимии.

Ключевые слова: годонимы, Гродно, Термез, типы номинаций, материальная культура, духовная культура, белорусы, узбеки

Для цитирования: Одинаев, Т. Н. Улицы г. Гродно (Республика Беларусь) и г. Термеза (Республика Узбекистан): принципы номинации / Т. Н. Одинаев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 24–34. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-1-24-34

Timur N. Odinaev

Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

GODONYMS OF THE CITY OF GRODNO (BELARUS) AND THE CITY OF TERMEZ (UZBEKISTAN): PRINCIPLES OF NOMINATION

Abstract. The article discusses the basic principles of the nomination of the streets of the cities of Grodno and Termez, due to a number of sociolinguistic, linguocultural, historical-cultural, political-ideological and socio-economic factors. On the basis of a quantitative percentage ratio, productive and unproductive types and subtypes of godonyms of each of the cities are determined, common features and national peculiarities in the system of Grodno and Termez godonymy are revealed.

Keywords: godonyms, Grodno, Termez, types of nominations, material culture, spiritual culture, Belarusians, Uzbeks

For citation: Odinaev T. N. Godonyms of the city of Grodno (Belarus) and the city of Termez (Uzbekistan): principles of nomination. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 1, pp. 24–34 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-24-34

Введение. Урбанонимы играют не только значимую роль пространственных ориентиров в повседневной жизни жителей городов, но и представляют собой элементы языкового воплощения культурных кодов: характеризуют и эксплицируют природные особенности страны, ее социально-экономическую историю, духовную и материальную культуру, общественную психологию. Ядром урбанонимного пространства являются годонимы. По справедливому замечанию О. А. Леоновича, «названия улиц – это сгусток всех топонимических типов: гидронимии, ороними, топонимии, населенных пунктов, дорог и т. д., поскольку названия всех этих объектов так

© Одинаев Т. Н., 2023

или иначе участвовали в формировании топонимии улиц. В результате этого названия улиц как по происхождению, так и по мотивированности наиболее многообразны и разнотипны» [1, с. 64].

У каждого народа формируется своя национальная система годонимов, обусловленная рядом социолингвистических, лингвокультурных, историко-культурных, политико-идеологических и социально-экономических факторов. В свою очередь сопоставительный анализ годонимиконов городов разных государств позволяет выявить «единство и своеобразие “урбанонимного мышления” социума и его конкретно-языковое выражение» [2, с. 7].

Цель статьи – системное описание принципов номинации линейных объектов белорусского города Гродно и узбекского города Термеза, а также сравнительно-сопоставительный анализ урбанонимного пространства двух городов.

Задачи исследования – выделить основные принципы номинации годонимов; распределить годонимы Гродно и Термеза по лексико-семантическим группам; на основе количественно-процентного соотношения определить продуктивные и малопродуктивные типы годонимов каждого из городов; выявить общие черты и различия в системе гродненской и термезской годонимии.

В ходе исследования были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы, а также элементы статистического анализа.

Основная часть. Выбор данных городов обусловлен тем, что г. Гродно – один из древних городов Беларуси (впервые в летописях упоминается в 1005 г.), г. Термез – древнейший город Центральной Азии, его история насчитывает более 2500 лет. Согласно административно-территориальному делению, Гродно – областной город Беларуси, Термез – областной центр Сурхандарьинского вилаята Узбекистана. Термез расположен в приграничной зоне рядом с Афганистаном, Гродно граничит с Польшей. В свою очередь пограничье представляет собой сложный социокультурный феномен – зону активного межъязыкового, межкультурного, межэтнического и межконфессионального контактирования, комплексный характер которого проявляется на разных уровнях: лингвистическом, историческом, этнографическом, психологическом, социологическом, культурологическом.

В настоящее время в Гродно насчитывается 625 улиц, 149 переулков, 7 проспектов, 4 проезда, 3 тупика, 1 бульвар, в Термезе – 216 улиц, 121 переулок, 18 тупиков, 3 проспекта (материалом исследования послужили неповторяющиеся названия линейных объектов: Гродно – 635 единиц названий, Термез – 235).

В ономастической литературе существует большое количество лексико-семантических классификаций годонимов (классификации Л. В. Адониной, Т. В. Шмелевой, В. И. Супруна, Р. В. Разумова, Ю. Б. Гладышевой, И. А. Якоба, Н. А. Кичиковой, К. С. Горбачевича, П. К. Забелина, М. В. Горбаневского, Г. П. Смолицкой, А. В. Суперанской, А. М. Мезенко и др.). При проведении классификации принципов номинации улиц Гродно и Термеза за основу взят подход А. М. Мезенко, согласно которому выделяются следующие принципы: номинация объекта по отношению к другому значимому объекту, номинация объекта по связи его с человеком, номинация объекта по присущим ему свойствам и качествам, номинация объекта по связи его с абстрактным понятием [3, с. 106].

Первый тип. Принцип номинации улицы по отношению к другому значимому объекту. Данный тип включает названия улиц, мотивированные признаком, характеризирующим местоположение улиц относительно смежного антропогенного и природного топообъектов: промышленного, социально-экономического, общественно-политического. В годонимиконе Гродно насчитывается 156 единиц (табл. 1) наименований данного типа, что составляет 24,6 % от общего количества названий улиц города, в годонимиконе Термеза – 65 единиц (27,7 % от общего количества годонимов). Названия линейных объектов данного типа выполняют адресную функцию, они выделяются в следующие подтипы годонимов:

1) *годонимы, мотивированные топонимами* (Гродно – 99 названий, 63 % от общего количества рассматриваемого типа номинаций, Термез – 39 единиц и 60 % соответственно). В годонимии Гродно превалируют наименования улиц, мотивированные названиями деревень гродненской области (65 названий, 66,3 % в рамках данного подтипа). Это, как правило, наименования

населенных пунктов, в направлении которых ведет улица: *ул. Аульская (д. Аульс), ул. Богушовская (д. Богушово), ул. Вишневецкая (д. Вишневец), ул. Заверщизна (д. Заверщизна)* и др.

С названиями городов связано 16 годонимов (16,3 % от общего количества данного подтипа годонимов), среди которых выделяются названия, мотивированные наименованиями белорусских городов: *ул. Брестская (г. Брест), ул. Гродненская (г. Гродно), ул. Лидская (г. Лида)* и др.; польских городов: *ул. Белостокская (г. Белосток), ул. Гданьская (г. Гданьск)*; литовских городов: *ул. Алитусская (г. Алитус), ул. Шяуляйская (г. Шяуляй)*. Две улицы названы в честь городов-побратимов Гродно: немецкого Миндена *(ул. Минденская),* французского Лиможа *(ул. Лиможа)*. Два годонима образованы от названий современной и исторической части города Гродно (2 % в рамках данного подтипа): *ул. Фолюш* (военный городок *Фолюш*), *ул. Подольная* (*Подол* – исторический район Гродно) [4, с. 94]).

К данному подтипу относятся также наименования улиц, мотивированные названиями стран и их отдельных регионов (4 названия, 4,1 % в рамках подтипа): Беларуси – *ул. Белорусская, ул. Полесская (регион Полесье)*, Литвы – *ул. Литовская* и Польши – *ул. Мазовецкая (историческая область в Северо-Восточно-Центральной Польше).*

Небольшое количество названий (7 названий, 7,1 % от общего количества данного подтипа) мотивированы наименованиями рек и каналов: *ул. Августовская (канал Августовский), ул. Лососна (р. Лососна), ул. Неманская (р. Неман)* и озера: *ул. Вир (озеро Вир)*. Четыре годонима (4,1 % в рамках рассматриваемого подтипа) мотивированы микротопонимами, которые связаны с названиями пущ, парка и лесопарка: *ул. Беловежская (пуща), ул. Перстунская (пуща), пр. Румлевский (парк), ул. Пышки (лесопарк).*

В годонимии Термеза рассматриваемый подтип состоит из следующих категорий улиц: мотивированные названиями современных городов Узбекистана (9 названий, 23,1 % в рамках подтипа): *Buxoro ko'chasi – ул. Бухарская, Qarshi ko'chasi – ул. Каршинская, Samarqand ko'chasi – ул. Самаркандская, Toshkent ko'chasi – ул. Ташкентская* и др.; области страны (2,6 % в рамках данного подтипа): *Xorazm ko'chasi – ул. Хорезмская*; рек (4 названия, 10,3 % в рамках данного подтипа): *Amudaryo ko'chasi – ул. Амударьинская, Sirdaryo ko'chasi – ул. Сырдарьинская* и др.; водохранилища: *Uchqizil ko'chasi – ул. Учкызыльская*; родника: *Omonxona ko'chasi – ул. Омонхона*; водопада: *Shalola muyulishli ko'chasi – пер. Водопадный*; внутригородского объекта: *Anjumanlar Maydoni ko'chasi – ул. Соборной площади*. Последние четыре категории наименований представлены единичными примерами годонимов (по 2,6 % в рамках рассматриваемого подтипа названий).

Отдельное место в годонимии Термеза занимают наименования линейных объектов, мотивированные названиями исторических местностей и областей (10 названий, 25,6 % в рамках данного подтипа годонимов), в прошлом охватывавших территорию современной Сурхандарьинской области и города Термеза: *Baqtriya ko'chasi – ул. Бактрийская, Sug'diyona ko'chasi – ул. Согдианская, Turkiston ko'chasi – ул. Туркестанская, Turon ko'chasi – ул. Туранская* (*Туран* – исторический регион в Центральной Азии, впервые упоминаемый в Авесте [5, с. 779]) и др.; городищ (7 названий, 17,9 % в пределах данного подтипа названий улиц): *Afrosiyob ko'chasi – ул. Афрасиабская, Ayritom ko'chasi – ул. Айритомская, Dunyotepa ko'chasi – ул. Дунетепийская, Xolchayon ko'chasi – ул. Халчаянская* и др.; территории раннефеодального города в Средней Азии: *Shahriston ko'chasi – ул. Шахристанская*; исторических ворот: *Shimoliy darvoza ko'chasi – ул. Северных ворот* (единичные примеры, по 2,6 % в рамках данного подтипа); караванных дорог (2 названия, 5,1 % в рамках данного подтипа): *Buyuk ipak yo'li ko'chasi – ул. Великого шелкового пути, La'l yo'li ko'chasi – ул. Рубинового пути* (*Рубиновый путь* – один из древнейших караванных торговых путей, датируемый 3–2 тыс. до н. э. [6, с. 61]);

2) *годонимы, мотивированные названиями архитектурных объектов.* Данный подтип в гродненском годонимиконе представлен шестью категориями наименований (31 годоним, 19,9 % от общего количества рассматриваемого типа номинации): годонимы, мотивированные названиями культовых сооружений: *ул. Большая Троицкая (церковь Святой Троицы), ул. Доминиканская (Доминиканский костел), ул. Покровская (Свято-Покровский собор)* и др.; исторических объектов (замков): *ул. Замковая, ул. Райгородская, ул. Старозамковая*; учебных и научных заведений: *ул. Академическая, ул. Школьная*; промышленных объектов: *ул. Заводская, ул. Каретная, ул. Фабричная,*

ул. Цегляная; лечебных заведений: *ул. Санаторная*; других объектов общественного назначения: *ул. Вокзальная, ул. Гаражная, ул. Портовая, ул. Телеграфная* и др.

В системе годонимов Термеза данный подтип немногочислен (7 названий, 10,8 % в рамках рассматриваемого типа номинаций), он включает наименования улиц, мотивированные названиями памятников архитектуры (мавзолеев, усыпальниц, крепостей), находящихся на территории Термеза: *Fayoztepa ko'chasi – ул. Фаезтепинская, Qirqqiz ko'chasi – ул. Кырккызская, Sulton-Saodat ko'chasi – ул. Султан-Саодатская*; Узбекистана: *Registon ko'chasi – ул. Регистанская, Shohizinda ko'chasi – ул. Шахизиндийская,* Индии: *Tojmahal ko'chasi – ул. Тадж-Махальская*;

3) *годонимы, мотивированные признаком, характеризирующим местоположение улиц относительно смежных природных (в том числе антропогенных) топообъектов.* В годонимии Гродно (17 названий, 10,9 % от общего количества рассматриваемого типа номинаций) этот подтип формируют названия улиц, мотивированные наименованиями земельных участков с естественной или специально посаженной растительностью (8 названий, 47,1 % в рамках данного подтипа): *ул. Ботаническая, ул. Лесная, ул. Парковая, ул. Садовая* и др.; гидрографических объектов (8 названий, 47,1 % в рамках данного подтипа): *ул. Береговая, ул. Запрудная, ул. Озерная, ул. Речная* и др.; орографических объектов (единичный пример, 5,9 % в рамках данного подтипа): *ул. Подгорная.*

В годонимии Термеза в рамках данного подтипа (18 названий, 27,7 % от общего количества рассматриваемого типа годонимов) в отличие от гродненских годонимов превалирующей является группа годонимов, мотивированных названиями земельных участков с естественной или специально посаженной растительностью (17 названий, 94,4 % в рамках данного подтипа): *Bodomzor ko'chasi – ул. Миндального сада, O'rikzor ko'chasi – ул. Урючного сада, Olmazor ko'chasi – ул. Яблоневого сада, Tutzor ko'chasi – ул. Тутовой рощи* и др. Характерной особенностью этого подтипа названий является наличие атрибутивного компонента, указывающего на характер растительности (Bodomzor – *bodom* 'миндаль', *-zor*, аффикс со значением обилия чего-либо в данной местности). Единичным примером (5,6 % в рамках данного подтипа) представлено наименование линейного объекта, мотивированного названием гидрографического объекта: *Sohil ko'chasi – ул. Береговая*;

4) *годонимы, мотивированные наименованиями типов поселения и территорий* (Гродно, 6 названий, 3,8 % от общего количества рассматриваемого типа номинаций): *ул. Городская, ул. Деревенская, ул. Загородная, ул. Сельская* и др.

В системе годонимии Термеза данный подтип не представлен;

5) *годонимы, мотивированные их географическим положением относительно сторон света*: в годонимии Гродно представлены все четыре направления (2,6 % в рамках данного типа): *ул. Восточная, ул. Западная, ул. Северная, ул. Южная*, в годонимии Термеза только одно (1,5 % в рамках данного типа): *Janub ko'chasi – ул. Южная*.

Таблица 1. **Принцип номинации улицы по отношению к другому значимому объекту**

Table 1. **The principle of nominating a street in relation to another significant object**

Подтипы	г. Гродно	г. Термез
1) годонимы, мотивированные топонимами	**98** (62,8 %)	**39** (60 %)
2) годонимы, мотивированные названиями архитектурных объектов	**31** (19,9 %)	**7** (10,8 %)
3) годонимы, мотивированные признаком, характеризирующим местоположение улиц относительно смежных природных (в том числе антропогенных) топообъектов	**17** (10,9 %)	**18** (27,7 %)
4) годонимы, мотивированные наименованиями типов поселения и территорий	**6** (3,8 %)	–
5) годонимы, мотивированные их географическим положением относительно сторон света	**4** (2,6 %)	**1** (1,5 %)
Всего	**156** (100 %)	**65** (100 %)

Второй тип. Принцип номинации улицы по связи ее с человеком. В годонимиконе двух городов этот тип наименований улиц является наиболее продуктивным (табл. 2): Гродно – 270 названий, 42,5 % от общего количества годонимов, Термез – 79 названий, 33,6 % соответственно. Этот тип названий подразделяется на три подтипа годонимов:

1) *годонимы, мотивированные антропонимами.* Данный подтип названий улиц самый многочисленный (Гродно, 240 названий, 88,9 % от общего количества данного типа годонимов, Термез – 70 названий и 88,6 % соответственно) и разнообразный. Сюда вошли следующие группы названий улиц:

а) *годонимы, мотивированные именами поэтов, писателей разных национальностей:* (Гродно, 44 названия, 18,3 % от общего количества отантропонимных названий) белорусских поэтов и писателей: *ул. Тетки (XIX век), ул. Франтишка Богушевича (XIX век)*, *ул. Максима Танка (XX век), ул. Якуба Коласа (XX век)* и др.; русских поэтов, писателей, критиков: *ул. Крылова (XVIII–XIX вв.), ул. Пушкина (XIX век), ул. Белинского (XIX век)*, *ул. Максима Горького (XIX–XX вв.), ул. Маяковского (XIX век)* и др.; белорусско-польских и польских поэтов и писателей: *ул. Немцевича (XVIII–XIX вв.), ул. Мицкевича (XIX век), ул. Ожешко (XIX–XX вв.), ул. Налковской (XX век)* и др.; украинского поэта: *ул. Шевченко (XIX век)*; еврейского поэта: *ул. Найдуса (XX век).*

Аналогичная группа термезских годонимов представлена 32 единицами названий (45,7 % от общего количества отантропонимных названий). Это годонимы в честь узбекских поэтов и писателей: Юсуф Хас Хаджиб *(X–XII вв.)*: *Yusuf Xos Hojib ko'chasi* – ул. Юсуфа Хас Хаджиба; Сабир Тирмизи *(X–XII вв.)*: *Sobir Termiziy ko'chasi* – ул. Сабира Тирмизи; Алишер Навои *(XV век)*: *Alisher Navoiy ko'chasi* – ул. Алишера Навои; Лутфи *(XV век)*: *Lutfiy ko'chasi* – ул. Лутфи; Бабарахим Машраб *(XVII век)*: *Boborahim Mashrab ko'chasi – ул. Бабарахима Машраба*; Увайси *(XIX век)*: *Uvaysiy ko'chasi – ул. Увайси*; Хамид Алимджан *(XX век)* и др.; *Hamid Olimjon ko'chasi – ул. Хамида Алимджана*; персидских, таджикских поэтов и писателей: Рудаки *(IX–X вв.)*: *Rudakiy ko'chasi – ул. Рудаки*; Омар Хайям *(XI–XII вв.)*: *Umar Xayyom ko'chasi – ул. Омара Хайяма*; Саади *(XIII–XIV вв.)*: *Sa'diy ko'chasi – ул. Саади*; Садриддин Айни *(XX век)*: *Sadriddin Ayniy ko'chasi – ул. Садриддина Айни* и др.; индийского поэта: Хисрав Дехлави *(XIII–XIV вв.)*: *Xisrav Dehlaviy ko'chasi – ул. Хисрава Дехлави*; азербайджанского поэта: Низами *(XII–XIII вв.)*: *Nizomiy ko'chasi – ул. Низами*; казахского поэта: Абай *(XIX–XX вв.)*: *Abay ko'chasi – ул. Абая*;

б) *годонимы, основа которых образована от имен деятелей науки*: (Гродно, 20 названий, 8,3 % от общего количества отантропонимных названий) историков: *ул. Духинского (XIX век), ул. Евстафия Орловского (XIX век)* и др.; биологов: *ул. Павлова (XIX–XX вв.), ул. Дарвина (XIX век),* и др.; филологов: *ул. Заменгофа (XIX–XX вв.), ул. Карского (XIX–XX вв.)*; химика: *ул. Менделеева (XIX век)*; физиков: *ул. Попова (XIX–XX вв.), ул. Курчатова (XX век)*; геологов: *ул. Домейко (XIX век)*; ученого-механика: *ул. Жуковского (XIX век)*; инженера: *ул. Иосифа Зарецкого (XIX век)*; педагога: *ул. Апанаса Цыхуна (XX век)*; философа: *ул. Карла Маркса (XIX век).*

В Термезе количество названий данной группы насчитывает 10 единиц годонимов (14,3 % от общего количества отантропонимных названий). Сюда вошли названия улиц, данные в честь ученых-энциклопедистов: Беруни *(XI век)*: *Beruniy ko'chasi* – ул. Беруни; Ибн Сина *(XI век)*: *Ibn Sino ko'chasi* – ул. Ибн Сины; астрономов: Али Кушчи *(XV век)*: *Ali Qushchi ko'chasi* – ул. Али Кушчи; Мирза Улугбек *(XV век)*: *Mirzo Ulug'bek ko'chasi* – ул. Мирзы Улугбека; филологов: Махмуд Кашгари *(XI век)*: *Mahmud Qoshg'ariy ko'chasi* – ул. Махмуда Кашгари; историков: Хондамир *(XIV век)*: *Xondamir ko'chasi* – ул. Хондамира; Самандар Тирмизи *(XIV век)*: *Samandar Termiziy ko'chasi – ул. Самандара Тирмизи*;

в) *годонимы, мотивирующей основой которых послужили имена деятелей искусства и культуры*: (Гродно, 18 названий, 7,5 % от общего количества отантропонимных названий) художников: *ул. Шишкина (XIX век), ул. Льва Бакста (XIX–XX вв.), ул. Репина (XIX–XX вв.)* и др.; композиторов: *ул. Огинского (XVIII–XIX вв.), ул. Глинки (XIX век), ул. Монюшко (XIX век)* и др.; балетмейстеров, хормейстеров: *ул. Ларисы Ляшенко (XX век), ул. Чопчица (XX век)*; этнографов, краеведов: *ул. Бобровского (XIX–XX вв.), ул. Виктора Саяпина (XX–XXI вв.)*; художественного руководителя театров: *ул. Ковязина (XX век)*; зодчего: *ул. Петра Милонега (XII–XIII вв.).*

В термезском годонимиконе данная группа годонимов отмечается малопродуктивностью, всего 2 единицы названий (2,9 % от общего количества отантропонимных названий). Мотивирующей основой здесь послужили имена восточных художников-миниатюристов: Камолиддин Бехзод *(XV–XVI вв.)*: *Kamoliddin Behzod ko'chasi* – ул. Камолиддина Бехзода; Мир Саид Тирмизи *(XV–XVI вв.)*: *Mir Sayid Termiziy ko'chasi – ул. Мир Саида Тирмизи*;

г) *годонимы, увековечивающие память религиозных деятелей, богословов.* В годонимии Гродно зафиксирован единичный пример (0,4 % в рамках данного подтипа) использования названия улицы, относящейся к данной группе годонимов: *ул. Митрополита Филарета*.

Намного большим количеством представлена данная группа в термезской годонимии – 10 единиц названий, или 14,3 % от общего количества отантропонимных годонимов. Сюда вошли годонимы, мотивированные именами проповедников, всемирно известных ученых-теологов: Муканна *(VIII век): Muqanna ko'chasi – ул. Муканны*; муфассиров (комментаторов, толкователей Корана), хадисоведов (*хадис* – 'предание о словах и действиях пророка Мухаммада'): Аль-Матуриди *(IX век)*: *Al-Moturidiy ko'chasi – ул. Аль-Матуриди*; Иса Ат-Тирмизи *(IX век)*: *Iso at-Termiziy ko'chasi – ул. Исы ат-Тирмизи*; титулованных исламских шейхов: Бурхануддин Маргинани *(XII век)*: *Burhoniddin Marg'inoniy ko'chasi – ул. Бурхануддина Маргинани*; суфиев и основателей суфийских тарикатов (орденов) **–** представителей классической мусульманской философии, проповедовавших аскетизм и возвышенную духовность: Хаким ат-Тирмизи *(VIII–IX вв.)*: *Hakim at-Termiziy shoh ko'chasi – пр. Хакима ат-Тирмизи;* Бахауддин Накшбанди *(XIII–XIV вв.)*: *Bahouddin Naqshband ko'chasi – ул. Бахауддина Накшбанди;* Ходжа Ахрор *(XV век)*: *Xoja Ahror ko'chasi – ул. Ходжы Ахрора*; Искандар Тирмизи *(XVII–XVIII вв.)*: *Iskandar Termiziy ko'chasi – ул. Искандара Тирмизи*;

д) *годонимы, мотивированные фамилиями и именами государственных и политических деятелей*: (Гродно, 20 названий, 8,3 % от общего количества отантропонимных названий) Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой: *ул. Давыда Городенского (XIV век), ул. Стефана Батория (XVI век)*; советского государства: *ул. Дзержинского, ул. Лазо, ул. Ленина, ул. Фрунзе* и др.

В Термезе данная группа годонимов представлена 6 названиями улиц: (что составляет 8,6 % от общего количества отантропонимных годонимов): царицы массагетов: Тумарис *(570–520 годы до н. э.)*: *To'maris ko'chasi – ул. Тумарис*; основателя Империи Тимуридов и его потомков: Амир Тимур *(XIV–XV вв.)*: *Amir Temur ko'chasi – ул. Амира Тимура*; его младшего сына, эмира: Шахрух Мирза *(XV век)*: *Shohrux Mirzo ko'chasi – ул. Шахруха Мирзы*; последнего хорезмшаха из династии Ануштегенидов: Джалалиддин Мангуберды *(XIII век)*: *Jaloliddin Manguberdi ko'chasi – ул. Джалалиддина Мангуберды*; первого Президента Республики Узбекистан: Ислам Каримов *(XX–XXI вв.)*: *Islom Karimov ko'chasi – ул. Ислама Каримова*;

е) *годонимы, увековечивающие память первопереселенцев, владельцев земель и домов.* В годонимиконе двух городов эта группа названий относится к числу непродуктивных: Гродно (2 названия, 0,8 % от общего количества отантропонимных годонимов): *ул. Калючинская, ул. Кстинская*; Термез (1 название, 1,4 % от общего количества отантропонимных годонимов): *Termiziylar ko'chasi – ул. Тирмизидов.*

В ряде случаев специфика годонимов Гродно и Термеза проявляется не только в наименованиях улиц, но и в исключительной самобытности названий тематических групп в пределах годонимикона каждого из городов.

Для Гродно характерны: 1) *годонимы, мотивированные именами участников войн в разные исторические периоды* (75 названий, что составляет самый большой процент (31,3 %) гродненских отантропонимных годонимов): XVIII–XIX вв.: *ул. Кутузова, ул. Ланского, ул. Суворова*; XX века: Первой мировой войны: *ул. Гая, ул. Томина*; боев у озера Хасан: *ул. Пожарского*; Великой Отечественной войны: *ул. Белуша, ул. Веры Хоружей, ул. Гастелло, ул. Зои Космодемьянской, ул. Ивлиева* и др.; 2) *годонимы, мотивированные именами и фамилиями участников восстаний, национально-освободительных движений* (43 названия, 17,9 % от общего количества отантропонимных годонимов): руководителя восстания рабов и гладиаторов в Италии в 73–71 гг. до н. э.: *ул. Спартаковская*; предводителей восстаний допетровской России: *ул. Разина (XVII век), ул. Пугачева (XVIII век)*; декабристов, революционеров Российской империи XIX века: *ул. Заславского, ул. Пестеля, ул. Рылеева;* участников Февральской революции, Октябрьской революции 1917 года: *ул. Артема, ул. Ногина, ул. Урицкого*; предводителей национально-освободительного восстания в Украине, гетмана Войска Запорожского: *ул. Кармелюка, ул. Богдана Хмельницкого*; участников восстания 1794 г.: *ул. Грабовского, ул. Домбровского, ул. Костюшко* и др.; руководителя и участников восстания 1863–1864 гг.: *ул. Калиновского, ул. Минейко, ул. Сулистровского* и др.; участников рево-

люционного и национально-освободительного движения в Западной Белоруссии: *ул. Бертеля, ул. Герасимовича, ул. Горновых, ул. Кветко* и др.; участницы восстания берлинских рабочих в январе 1919 г.: *ул. Розы Люксембург*; 3) *названия улиц, увековечивающие память известных летчиков и космонавтов* (9 названий, 3,8 % от общего количества отантропонимных годонимов): *ул. Гагарина, ул. Терешковой, ул. Титова, ул. Чкалова* и др.; 4) *годонимы, мотивированные фамилиями новаторов социалистического производства, инициаторов движений рабочих* (2 названия, 0,8 % от общего количества отантропонимных названий): *ул. Демченко, ул. Стахановская*; 5) *названия улиц, увековечивающие память известных жителей Гродно XX–XXI вв.*: (6 названий, 2,5 % от общего количества отантропонимных годонимов); отличника образования республики: *ул. Валентины Макаровой*; заслуженного строителя республики: *ул. Виктора Глухова*; героев Республики Беларусь: *ул. Дубко, ул. Кремко*; заслуженного деятеля науки Республики Беларусь: *ул. Маслакова*.

Локально-тематическая группа годонимов Термеза: *названия улиц, данные в честь героев легенд, персонажей художественных произведений, произведений искусства* (8 названий, 11,4 % в рамках отантропонимных названий): героя среднеазиатских легенд: Ширак *(?–519 до н. э.)*: *Shiroq ko'chasi – ул. Ширака*; имени персонажа поэмы Навои (*«Фархад и Ширин»*): *Farxod ko'chasi – ул. Фархада*; героини тюркского эпоса *«Алпамыш»*: Барчиной: *Barchinoy ko'chasi – ул. Барчиной*; героини одноименного узбекского эпоса *«Ойсулув»*: *Oysuluv ko'chasi – ул. Ойсулув*.

Единичным примером (1,4 % в рамках отантропонимных названий) представлен меморатив в честь главной жены правителя Амира Тимура Сараймулькханум *(1341–1406)*: *Saroymulkxonim ko'chasi – ул. Сараймулькханум*;

2) *годонимы, мотивированные названиями профессий, рода деятельности* (Гродно – 20 названий, 7,4 % от общего количества типа номинации улицы по ее связи с человеком как социосубъектом): *ул. Строителей, ул. Гончарная, ул. Комбайнерская, ул. Химиков* и др.

Показатели данного подтипа в термезском годонимиконе составили 6 единиц и 7,6 % соответственно: *Shifokorlar ko'chasi – ул. Врачей, Paxtakor muyulishli ko'chasi – пер. Хлопкороба, Sarbon muyulishli ko'chasi – пер. Караванщика, Ishchilar ko'chasi – ул. Рабочих* и др.;

3) *годонимы, мотивированные названиями социальных групп и их участников, социальных статусов* (Гродно – 10 названий, 3,7 % от общего количества рассматриваемого типа номинации): *ул. Ученическая, ул. Молодежная, ул. Семейная, ул. Братская* и др.

Показатели данного подтипа в термезском годонимиконе составили 3 единицы и 3,8 % соответственно: *Yoshlar ko'chasi – ул. Молодежная*, *Avlod ko'chasi – ул. Поколения* (условно сюда же относится и название, в котором подчеркивается красота женщин: *Oysanam ko'chasi – ул. Красавиц*).

Таблица 2. **Принцип номинации улицы по связи ее с человеком**

Table 2. **The principle of nominating a street by its connection with a person**

Подтипы	г. Гродно	г. Термез
1) годонимы, мотивированные антропонимами	**240** (88,9 %)	**70** (88,6 %)
2) годонимы, мотивированные названиями профессий, рода деятельности	**20** (7,4 %)	**6** (7,6 %)
3) годонимы, мотивированные названиями социальных групп и их участников, социальных статусов	**10** (3,7 %)	**3** (3,8 %)
Всего	**270** (100 %)	**79** (100 %)

Третий тип. Принцип номинации улицы по присущим ей свойствам и качествам. Названия, соответствующие данному типу, в годонимиконе Гродно насчитывают 94 единицы (табл. 3), что составляет 14,8 % от общего количества наименований, в годонимиконе Термеза – 16 единиц и 6,4 % соответственно. В зависимости от признаков, положенных в основу номинации, данный тип названий линейных объектов дифференцируется на 7 тематических подтипов:

1) *годонимы, характеризующие улицу по размеру, конфигурации, физико-географическим особенностям возникновения*: *ул. Короткая, ул. Узкая, ул. Широкая*, *ул. Кольцевая, ул. Круговая* и др. В Гродно – 24 единицы, или 25,5 % от общего количества рассматриваемого типа годонимов.

Таблица 3. **Принцип номинации улицы по присущим ей свойствам и качествам**

Table 3. **The principle of nominating a street according to its inherent properties and qualities**

Подтипы	г. Гродно	г. Термез
1) годонимы, характеризующие улицу по размеру, конфигурации, физико-географическим особенностям возникновения	**24** (25,5 %)	**1** (6 %)
2) годонимы, отражающие особенности рельефа, тип почвы, природно-климатические характеристики региона	**9** (9,6 %)	**4** (26,7 %)
3) годонимы с признаком функциональной нагрузки объекта	**13** (13,8 %)	**2** (13,3 %)
4) годонимы, мотивированные временем возникновения, возрастом существования	**9** (9,6 %)	–
5) флористические названия улиц	**29** (30,9 %)	**8** (50,3 %)
6) фаунистические названия улиц	**6** (6,4 %)	**1** (6,7 %)
7) годонимы, мотивированные названиями природных камней	**4** (4,3 %)	–
Всего	**94** (100 %)	**15** (100 %)

В годонимиконе Термеза данный подтип представлен единичным примером (6,7 % в рамках анализируемого типа годонимов): *Sarhad berk ko'chasi – тур. Граничный*;

2) *годонимы, отражающие особенности рельефа, тип почвы, природно-климатические характеристики региона* (Гродно – 9 единиц годонимов, 9,6 % от общего количества типа номинации улицы по ее свойствам и качествам): *ул. Горная, ул. Холмистая, ул. Асфальтная, ул. Песчаная* и др.

В Термезе этот подтип представлен 3 единицами годонимов (20 % в рамках рассматриваемого типа годонимов): *Janub quyoshi ko'chasi – ул. Южного солнца, Jayxun shamoli ko'chasi – ул. Ветер Джайхуна, Quyoshli yurt ko'chasi – ул. Солнечного края*;

3) *годонимы с признаком функциональной нагрузки объекта* (Гродно – 13 названий, 13,8 % от общего количества рассматриваемого типа годонимов): *пер. Переходный, ул. Встречная, ул. Объездная, ул. Поворотная* и др. Данный подтип включает также названия улиц по назначению или основному использованию: *ул. Автомобильная, ул. Железнодорожная* и др.

В Термезе образованию данного подтипа годонимов (2 единицы названий, или 13,3 % в рамках анализируемого типа годонимов) послужили понятия и явления, связанные с Великим шелковым путем, поскольку город являлся одним из центров культурных связей и торговых отношений на Великом шелковом пути [7, с. 53]: *Karvon muyulishli ko'chasi – пер. Караванный, Langar ko'chasi – ул. Якорная* (*langar* – 'якорь'; в древности караваны останавливались на этом отрезке Великого шелкового пути);

4) *годонимы, мотивированные временем возникновения, возрастом существования* (Гродно – 9 единиц названий, 9,6 % от общего количества данного типа годонимов): *ул. Давняя, ул. Молодая, ул. Новая, ул. Новосельная* и др.

Данный подтип отсутствует в годонимиконе Термеза;

5) *флористические названия улиц.* В годонимии Гродно (29 названий, 30,9 % в рамках данного типа годонимов) спектр наименований данного подтипа разнообразный, в качестве мотивирующих основ выступают названия деревьев и кустарников: *ул. Березовая, ул. Рябиновая, ул. Яблоневая* и др.; травянистых растений: *ул. Папоротниковая, ул. Ржаная, ул. Чаборовая*; цветов: *ул. Васильковая, ул. Вересковая, ул. Ромашковая;* ягод: *ул. Брусничная, ул. Малиновая, ул. Черничная*; грибов: *ул. Грибная.*

В годонимии Термеза (8 названий, 53,3 % в рамках данного типа годонимов) основное количество названий составляют годонимы, мотивированные названиями цветов: *Atirgul ko'chasi – ул. Розы, Binafsha ko'chasi – ул. Фиалковая, Nilufar ko'chasi – ул. Лилии*; лекарственных растений: *Rayhon muyulishli ko'chasi – пер. Базилика, Yalpiz ko'chasi – ул. Мяты*. Единичным примером представлен годоним, мотивированный названием дерева: *Chinor muyulishli ko'chasi – пер. Чинары*;

6) *фаунистические названия улиц.* В Гродно (6 названий, 6,4 % от общего количества данного типа годонимов) представлены наименования, мотивированные названиями животных: *ул. Бобровая*; птиц: *ул. Дроздовая, ул. Журавлиная, ул. Соколиная*; насекомых: *ул. Пчелиная.*

В Термезе данный подтип представлен единичным примером годонима (6,7 % в рамках данного типа названий), мотивированный названием птицы: *Qaldirg'och ko'chasi – ул. Ласточки*;

7) *годонимы, мотивированные названиями природных камней.* В годонимиконе Гродно насчитывается 4 единиц подобного подтипа названий улиц (4,3 % в рамках данного типа годонимов): *ул. Жемчужная, ул. Изумрудная, ул. Рубиновая*, *ул. Бурштыновая*.

Данный подтип отсутствует в годонимиконе Термеза.

Четвертый тип. **Принцип номинации улицы по связи ее с абстрактным понятием.** Гродно – 115 годонимов (табл. 4), 18,1 % от общего количества названий улиц, Термез – 76 единиц и 32,3 % соответственно. Названия данного типа разделяются на 5 подтипов:

1) *годонимы, названные в честь исторического прошлого.* Этот подтип разнопланово представлен в системе наименований линейных объектов Гродно. Он представлен двумя видами названий: в честь реалий и событий страны, а также международных событий. В первом случае это названия в честь реалий советской эпохи (15 названий), которые составляют бóльший процент годонимов (65,2 %) в рамках данного подтипа наименований: *бульвар Ленинского Комсомола, ул. Пионерская, ул. Пролетарская, ул. Советская* и др.; знаковых исторических событий и национальных памятных дат: *ул. 11 Липеня, ул. 17 Сентября, ул. Грюнвальдская* и др.; во-втором – годонимы, мотивирующей основой которым послужили названия международных памятных дат и событий: *ул. 1 Мая, ул. 8 Марта*; международных революционных событий: *ул. Парижской Коммуны*.

В годонимии Термеза в настоящее время названия улиц, содержащие социально-идеологические элементы советской эпохи, отсутствуют. Представлены названия улиц (2 единицы, 2,6 % в рамках четвертого типа названий), образно отражающие древний характер территории, страны: *Asrlar sadosi ko'chasi – ул. Эхо веков, Boboyurt ko'chasi – ул. Древняя страна*;

2) *годонимы, содержащие в своей основе культурный компонент.* В годонимиконе Гродно данный подтип названий улиц отмечен в небольшом количестве (5 единиц, 4,3 % от общего количества данного типа годонимов). Сюда вошли наименования, мотивирующей основой которым послужили названия массовых празднеств и торжеств, связанных с какими-либо событиями: *ул. Фестивальная, ул. Юбилейная*; международных спортивных соревнований: *ул. Олимпийская*; народных праздников: *ул. Купальская*; произведения киноискусства: *ул. Белые Росы.*

Этот подтип в годонимиконе Термеза отличается национальным своеобразием. Сюда вошли наименования улиц, мотивированные названиями элементов культуры, религии и искусства узбекского народа, его многовековой истории (10 названий, 13,2 % от общего количества данного типа годонимов). Годонимы в честь названий музыкальных, поэтических жанров (4 названия, 33 % в рамках данного подтипа): *Dilxiroj ko'chasi – ул. Дилхирож* (*Дилхирож* – узбекская народная мелодия)*, Nashida ko'chasi – ул. Нашида* (*Нашида* – торжественная песня, гимн); названий священных, религиозных книг, текстов, магических предметов (4 названия, 40 % в рамках данного подтипа): *Avesto ko'chasi – ул. Авесты, Boburnoma ko'chasi – ул. Бабурнаме, Ko'zmunchoq ko'chasi – ул. Оберега, Sunani Termiziy ko'chasi – ул. Сунани Термизи*; мифических созданий: *Humo ko'chasi – ул. Хумо*; произведений киноискусства: *Ulug'bek yulduzi ko'chasi – ул. Звезды Улугбека.* Сюда же (условно) вошли годонимы, мотивированные названиями печатных, периодических изданий: *Kitob ko'chasi – ул. Книги, Matbuot ko'chasi – ул. Прессы*;

3) *годонимы, мотивированные названиями явлений природы, месяцев, времен года, суток* (Гродно – 13 названий, 11,3 % от общего количества данного типа годонимов): *ул. Весенняя, ул. Жнивеньская, ул. Июльская, ул. Червенская* и др.

В годонимии Термеза этот подтип представлен 5 единицами названий, что составляет 6,6 % в рамках рассматриваемого типа номинаций: *Bahor ko'chasi – ул. Весны, Kamalak ko'chasi – ул. Радуги, Shabada ko'chasi – ул. Шабады* (*Шабада* – 'легкий ветерок'), *Shabnam muyulishli ko'chasi – пер. Ночной росы*. Заметно, что для белорусской годонимии характерны наименования улиц, мотивированные названиями месяцев и времен года, в термезском годонимиконе преобладают годонимы, мотивированные названиями природных явлений;

4) *годонимы, мотивированные лексикой с положительной семантикой* (Гродно – 72 названия, 62,6 % от общего количества данного типа годонимов, Термез – 43 и 56,6 % соответственно). Данный подтип включает две группы годонимов, содержащие:

Таблица 4. **Принцип номинации улицы по связи ее с абстрактным понятием**

Table 4. **The principle of nominating a street by its connection with an abstract concept**

Подтипы	г. Гродно	г. Термез
1) годонимы, названные в честь исторического прошлого	**23** (20 %)	**2** (2,6 %)
2) годонимы, содержащие в своей основе культурный компонент	**5** (4,3 %)	**10** (13,2 %)
3) годонимы, мотивированные названиями явлений природы, месяцев, времен года, суток	**13** (11,3 %)	**5** (6,6 %)
4) годонимы, мотивированные лексикой с положительной семантикой	**72** (62,6 %)	**43** (56,6 %)
5) годонимы, характеризующие принципы и идеалы государственности, отражающие перспективы развития страны	**2** (1,7 %)	**16** (21,1 %)
Всего	**115** (100 %)	**76** (100 %)

а) эмоционально-характерологические признаки (Гродно – 54 названий, 75 % от общего количества данного подтипа): *ул. Искристая, ул. Ласковая, ул. Хорошая, ул. Чудесная* и др.

В Термезском годонимиконе рассматриваемая группа включает 16 единиц названий, что составляет 37,2 % в пределах данного подтипа годонимов: *Joziba ko'chasi – ул. Очарованная, Uchqun ko'chasi – ул. Искристая, Nurafshon ko'chasi – ул. Лучезарная, Saxovat ko'chasi – ул. Щедрая* и др.;

б) национальные черты и духовно-нравственные ценности народа (Гродно – 18 единиц названий, 25 % в рамках данной подгруппы годонимов): *ул. Дружбы, ул. Мира, ул. Родная, ул. Хлебосольная* и др.

Достаточно широко эта группа представлена в системе годонимии Термеза – 27 единиц, 62,8 % от общего количества названий данного подтипа: *Mehr-muruvvat ko'chasi – ул. Доброты и милосердия, Tinchlik ko'chasi – ул. Мира, Xush kelibsiz ko'chasi – ул. Добро пожаловать* и др. По дополнительному признаку в рамках данной группы выделяются годонимы, основа которых содержит компоненты со значением *«здоровье», «гармония», «благополучие», «процветание», «счастье», «благодать»* и под.: *Baxt ko'chasi – ул. Счастья, Salomatlik ko'chasi – ул. Здоровья, Fayzli el ko'chasi – ул. Благодатного края*, *Nurli Saodat ko'chasi – ул. Лучезарного счастья, Kamolot ko'chasi – ул. Гармонии* и др.;

5) *годонимы, характеризующие принципы и идеалы государственности, отражающие перспективы развития страны.* В Гродно этот подтип названий представлен лишь двумя единицами годонимов (2 % в рамках рассматриваемого типа годонимов): *ул. Возрождения, ул. Отечественная*.

В Термезе подобного рода названий – 14 единиц (18 % в рамках рассматриваемого типа годонимов): *Birdamlik ko'chasi – ул. Единства, Bunyodkorlik ko'chasi – ул. Созидательства, Buyuk kelajak ko'chasi – ул. Великого будущего, Mustaqillik ko'chasi – ул. Независимости* и др.

Заключение. Результаты сравнительно-сопоставительного анализа годонимиконов Гродно и Термеза показывают, что мотивационные признаки типов номинаций в целом совпадают. В то же время семантическая структура подтипов и тематических групп названий улиц отражает индивидуально-ценностные, идейно-политические, культурно-исторические представления белорусского и узбекского народов. Особенно ярко это отслеживается на примере отантропонимных годонимов. Если термезские годонимы представлены в основном именами и фамилиями деятелей науки, культуры и искусства, то в Гродно большой процент наименований дан в честь революционеров, участников национально-освободительных движений, партийных деятелей советского государства, а также участников Великой Отечественной войны. Еще одной отличительной особенностью является то, что в гродненском годонимиконе преимущественно функционируют названия улиц, образованные от имен и фамилий деятелей XVIII–XIX вв., в то время как термезская годонимия отличается бóльшим хронологическим разнообразием (VIII–XX вв.).

Сопоставление годонимиконов Гродно и Термеза свидетельствует о значительном расхождении количества урбанонимных единиц в пределах четырех типов номинаций. В каждом из городов по-разному представлена градация процентного соотношения и продуктивности типов годонимов (табл. 5).

Таблица 5. **Принципы номинации улиц Гродно и Термеза**

Table 5. **Principles of nomination of Grodno and Termez streets**

Типы	г. Гродно	г. Термез
Принцип номинации улицы по отношению к другому значимому объекту	**156** (24,6 %)	**65** (27,7 %)
Принцип номинации улицы по связи ее с человеком	**270** (42,5 %)	**79** (33,6 %)
Принцип номинации улицы по присущим ей свойствам и качествам	**94** (14,8 %)	**15** (6,4 %)
Принцип номинации улицы по связи ее с абстрактным понятием	**115** (18,1 %)	**76** (32,3 %)
Всего	**635** (100 %)	**235** (100 %)

Список использованных источников

1. Леонович, О. А. Очерки англоязычной ономастики: пособие для преподавателей / О. А. Леонович. – М.: Интерпракс, 1994. – 128 с.

2. Ли, Ван. Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация / Ван Ли. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2010. – 179 с.

3. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко; под ред. П. П. Шубы. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.

4. Саяпин, В. Ю. 50 гродненских улиц. Прогулка во времени / В. Ю. Саяпин. – Гродно: ЮрСаПринт, 2016. – 326 с.

5. Ўзбекистон миллий энциклопедияси: 12 т. – Тошкент: Давлат илмий нашриёти, 2004. – Т. 8. – 779 с. (на узбек. яз.)

6. Jo'rayev, U. T. Tarixdan hikoyalar: umumiy o'rta ta'lim maktablarining 5-sinfi uchun darslik / U. T. Jo'rayev. – Toshkent: Cho'lpon nomidagi NMIU, 2015. – 184 p.

7. Турсунов, С. Н. Сурхондаре – этнографик макон / С. Н. Турсунов, Т. Р. Пардаев. – Термиз: Термиз давлат ун-ти, 2011. – 450 с. (на узбек. яз.)

References

1. Leonovich O. A. *Essays on Eng. lang. onomastics: a manual for teachers*. Moscow, Interpraks Publ., 1994. 128 p. (in Russian).

2. Li Van. *Russian lang urbanonyms of Belarus in comparison with Chinese: structure, nomination*. Vitebsk, Vitebsk State University, 2010. 179 p. (in Russian).

3. Mezenko A. M. *Urbanonymy of Belarus*. Minsk, Universitetskoe Publ., 1991. 167 p. (in Russian).

4. Sayapin V. Yu. *50 Grodno streets. A walk in time*. Grodno, YurSaPrint Publ., 2016. 326 p. (in Russian)

5. *National encyclopedia of Uzbekistan. Vol. 8.* Tashkent, State Scientific Publishing House, 2004. 779 p. (in Uzbek).

6. Jo'rayev U. T. *Stories from history.* Tashkent, Chulpan Publishing and printing creative house, 2015. 184 p. (in Uzbek).

7. Tursunov S. N., Pardaev T. R. *Surkhandarya is an ethnographic region*. Termez, Termez State University, 2011. 450 p. (in Uzbek).

Информация об авторе

Одинаев Тимур Назармадович – аспирант. Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: odinaevphd@gmail.com

Information about the author

Timur N. Odinaev – Postgraduate student. Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus" (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: odinaevphd@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК [94: 395.3 + 929.7](476)«18»
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-35-43

Поступила в редакцию 12.05.2022
Received 12.05.2022

С. О. Шидловский

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ДВОРЯНСКОЕ ПОМЕСТЬЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: КРЕПОСТНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ И ПАТРИАРХАЛЬНОЕ ПОПЕЧЕНИЕ НАД КРЕСТЬЯНАМИ

Аннотация. Рассматриваются традиции патриархального попечения над крестьянами в дворянском поместье на белорусских землях в дореформенный период. Патриархальное попечение интерпретируется как социальный механизм, позволяющий поддерживать минимально приемлемый уровень материального обеспечения крестьян в условиях возрастающей крепостной эксплуатации. Термин «эксплуатация» определяется как процесс присвоения помещиками результатов труда крепостного крестьянства. Указывается, что механизм патриархальной опеки функционировал со значительными ограничениями и был не в состоянии остановить дальнейшую деградацию трудовых ресурсов и хозяйства крепостных.

Отмечается, что система ведения помещичьего хозяйства, сформированная во времена существования Речи Посполитой и сохранившаяся на землях «западных губерний» Российской империи, в течение исследуемого периода находилась в процессе трансформации. Местное дворянское поместье под влиянием общероссийских социально-экономических и политических факторов приобретало новые характеристики и вместе с тем сохраняло свою хозяйственную и культурную специфику, например, низкую степень солидарности в межсословных коммуникациях, что влияло на интенсивность эксплуатации крепостных и характер попечения над ними.

Ключевые слова: поместное дворянство, крепостная эксплуатация, патриархальное попечение, межсословное взаимодействие, сарматизм

Для цитирования: Шидловский, С. О. Дворянское поместье на белорусских землях в дореформенный период: крепостная эксплуатация и патриархальное попечение над крестьянами / С. О. Шидловский // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 35–43. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-1-35-43

Siarhei A. Shydlouski

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

NOBLE MANORS IN BELARUS LANDS IN THE PRE-REFORM PERIOD: SERVITUDE EXPLOITATION AND PATRIARCHAL CARE OF THE PEASANTS

Abstract. The article analyzes the traditions of patriarchal care of peasants in a noble estate on Belarusian lands in the pre-reform period. Patriarchal care is interpreted as a social mechanism that allows maintaining a minimum acceptable level of material security for peasants in conditions of increasing serf exploitation. The term “exploitation” is defined as the process of appropriation by landlords of the results of the labor of the serf peasantry. It is indicated that the mechanism of patriarchal guardianship functioned with significant limitations and was unable to stop the further degradation of labor resources and the economy of serfs.

It is noted that the system of landlord farming, formed during the existence of the Polish-Lithuanian Commonwealth and preserved in its main features on the lands of the “western provinces” of the Russian Empire, was in the process of transformation during the period under study. The local noble estate, under the influence of all-Russian socio-economic and political factors, acquired new characteristics, and at the same time retained its economic and cultural specifics, for example, a low

© Шидловский С. О., 2023

degree of solidarity in inter-verbal communications, which affected the intensity of exploitation of serfs and the nature of care for them.

Keywords: landed nobility, serf exploitation, patriarchal care, inter-verbal interaction, Sarmatism

For citation: Shydlouski S. A. Noble manors in Belarus lands in the pre-reform period: servitude exploitation and patriarchal care of the peasants. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 1, pp. 35–43 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-35-43

Введение. Под термином «эксплуатация» в контексте данной статьи понимается процесс присвоения помещиками результатов труда крепостного крестьянства. Интенсивность эксплуатации крепостных ограничивалась рациональной потребностью помещичьего хозяйства в воспроизводстве трудовых ресурсов. Однако при развитии товарно-денежных отношений в конце XVIII – первой половине XIX в. усиливалась тенденция к снижению доходности поместий, что приводило к экстенсивному расширению масштабов использования экономических ресурсов крепостного хозяйства, в том числе трудовых. В данных обстоятельствах возрастало значение помещичьего патриархального попечения над крепостными, одной из главных функций которого являлось поддержание минимально приемлемого уровня материального обеспечения крестьян.

Основная часть. В рассматриваемый период крестьянство составляло большинство населения Беларуси (например, на 1858 г. в пяти «западных губерниях» помещичьи крестьяне – это 56 % от общего количества жителей [1, с. 272–274, 292–293]). Однако, согласно признанию К. Тышкевича, известного этнографа и общественного деятеля, «крестьянские жалобы на судьбу» никто слушать не любил [2, s. 141]. Тема попечения над крепостными инициировалась в значительной степени правительственными решениями, например, реформой управления государственными крестьянами П. Д. Киселёва. Сохранялись элементы и местной патриархальной традиции, предполагающей выполнение помещиком в отношении крепостных роли «отца», который мог наказывать зависимых от себя людей и не терять при этом моральной легитимности в глазах своей социальной среды. Так, по воспоминаниям Я. Булгак, его отец-помещик, хотя и повышал голос на челядь, сохранял, однако, репутацию человека «хорошего, справедливого и восприимчивого к людской беде» [3, с. 43].

В образе рыцарей-защитников европейской культуры и христианского народа предстает шляхта в классических текстах рассматриваемой эпохи, например, в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш» [4]. Именно из подобных истоков современники выводили патриархальный порядок в помещичьем дворе, где барин выступал опекуном крепостных. Стереотипное восприятие личности помещика как «отца челядного», который должен заботиться о дисциплине, нравственности и здоровье челяди, являлось широко распространенным. «Старосветских» хозяек поместья, соответственно, называли «челядными матерями»: живы были предания о «давних временах», когда помещицы садились прясть кудель вместе с крестьянками [5, s. 287; 6, s. 199].

Патриархальные отношения в белорусской крепостной деревне часто проявлялись в символическо-ритуальной сфере, когда, например, помещики становились крестными отцами детей крепостных; при совместном праздновании Зажинок и Дожинок; поздравлении крестьянами барина на именины. Во дворах, где помещики и крестьяне исповедовали одну веру, существовала традиция общей молитвы помещика и челяди, при отсутствии капеллана службу мог проводить сам помещик [6, s. 249; 7, с. 49].

Крестьяне, включенные в патриархальную систему помещичьего двора, демонстрировали «сыновние» чувства к «отцу»-помещику через символизм дара: крепостные время от времени делали барину небольшие подарки, например, преподносили цыпленка или холст; угощали после забора мёда [8, s. 62, 137]. Когда батрак женился на невесте из другой деревни, он выплачивал барину дань – «куницу» – обычно каравай и несколько локтей холста [6, s. 119]. На именины помещика на подарок складывались дворские, функции которых в бедных дворах часто исполняли крестьяне [9, s. 221]. Фрагментарно элементы подобных традиций сохранялись и в пореформенный период [10, с. 98–99].

В среде помещиков встречались примеры по-настоящему гуманных отношений к крепостным, что приобретало широкий общественный резонанс, возможно, из-за своей редкости. Например,

по сведениям К. Тышкевича, «ангелом для своих крестьян» была Роза Парчевская, известная художница [2, s. 167]. Крестьянам могла предоставляться материальная помощь. В разных поместьях существовал свой набор различных видов вспомоществования, хотя и не всегда безвозмездного. Например, крепостным позволялось использовать барских племенных производителей для качественного улучшения стада; во временное пользование могли передаваться тягловые животные; одолжалось зерно для посева; на средства помещика строились крестьянские дома; оплачивались услуги фельдшера и коновала; формировалась аптечка [11, л. 6 об.; 12, л. 15].

Для прогрессивных помещиков примером просвещенного хозяйствования являлась «Павловская республика», существовавшая в 1767–1795 гг. в Павлово (теперь – Шальчининкский район Литовской Республики). Поместье принадлежало стороннику теории физиократов Павлу Ксаверию Бжастовскому (1739–1827), который ввел для крестьян систему самоуправления [6, s. 334]. Помещик Игуменского уезда Доминик Монюшко (1788–1848) в поместье Радковщина перевел своих крепостных на оброк; открывал школы, где крестьяне обучались фельдшерской профессии, огородничеству, пчеловодству, животноводству, разнообразным ремеслам. Д. Монюшко стал прототипом пана Подстолича – героя одноименного дидактического романа Э. Массальского [13, с. 45]. Однако в условиях крепостничества без постоянного участия помещика в деятельности крестьянской общины подобные начинания были нежизнеспособны. Поэтому данные примеры социально-экономических преобразований следует расценивать как либеральную форму реализации патриархальных отношений.

Механизм патриархальной опеки функционировал со значительными ограничениями. Он был не в состоянии остановить дальнейшую деградацию трудовых ресурсов и хозяйства крепостных. Так, распространенный в дореформенный период среди белорусов психофизический тип описывался как «низкорослый, малосильный, несообразительный, безразличный и безынициативный» [14, s. 107]. Данную характеристику дополняют впечатления Ю. Крашевского после путешествия по пинскому Полесью: убогий и истощенный, желтый и наполовину голый народ, ободранные евреи, разбитые мосты и гати, непроезжие дороги, крестьянские дома, наполовину врытые в землю, и вместе с тем широкое строительство барских усадеб [8, s. 90]. И. Ляхницкий признавал, что положение местного крестьянства было чрезвычайно тяжелым: «крестьянин Гродненской губернии пребывал в экономическом, физическом и моральном упадке» [15, s. 59]. А. К. Мейер характеризовал крепостных Кричевского графства как бедняков, которые при недостатке зерна «толкут [...] гнилое дубовое из середины дерево и пекут из онаго с прибавлением муки хлебы» [16, с. 95].

В июне 1798 г., когда на белорусских землях начался голод среди крепостных, российское правительство направило Г. Р. Державина в «западные губернии» с инспекцией. По сведениям последнего, у белорусских крестьян не было хлеба, они питались травой с ничтожным добавлением муки или круп. В поместьях Огинских под Витебском крестьян, которые голодали, обязали выплатить хозяину дополнительное денежное взыскание, что лишало их возможности приобрести продукты. После инициирования Г. Р. Державиным дела о взятии деревни графа Огинского под опеку местное панство начало выдавать крестьянам хлеб в долг. Г. Р. Державин также запретил использовать зерно для выгона водки, которую, несмотря на голод, продолжали изготавливать для продажи в помещичьих корчмах. Подобные злоупотребления, согласно свидетельству Г. Р. Державина, имели массовый характер [17, с. 406–408, 414].

В 1831 г. генерал-губернатор Н. Н. Хованский в своей записке к правительству признавал положение белорусских крестьян «оскорбительным для достоинства человека» [18, с. 94]. М. П. Жданов, пребывая в 1838 г. в Витебске, отметил диссонанс между красивыми пейзажами с роскошными храмами и достойным сожаления видом местных «крестьян-белорусцев» с их измученными животными [19, с. 175]. Уже в пореформенный период К. К. Случевский, который путешествовал по Витебской губернии в 1887 г., писал о распространенном среди белорусского крестьянства раболепии перед помещиком [20, с. 257].

Согласно утверждению П. В. Бобровского, белорусский крестьянин был доведен до «идиотизма и нищеты»: систематическое недоедание в нескольких поколениях отражалось на физическом статусе крепостных. Причины вырождения белорусского крестьянина П. В. Бобровский видел

в особенностях системы шляхетского хозяйствования. Это были издержки чрезвычайно больших объемов барщины и неконтролируемого панского своеволия [21, с. 40; 22, с. 2–3]. Е. Тышкевич склонялся к иной оценке ситуации. По его мнению, размеры повинностей «были освящены традицией» и «редкий помещик их менял»: они включали обязанности крестьян работать в поместье с собственной упряжью «несколько дней в неделю» во время сева, уборку выращенного урожая и косьбу, сбор ягод и грибов; передачу экономии оговоренного количества кур или зерна [23, s. 222]. И. Ляхницкий в отличие от Е. Тышкевича считал, что размер барщины, оброка и других повинностей регулировался только «совестью и здравым смыслом помещика». Однако по отношению к крестьянству, по признанию И. Ляхницкого, панство не имело никаких моральных обязательств [15, s. 59]. Крестьянские поля, как отмечал И. Ляхницкий, возделывались плохо как «по причине крестьянской нерадивости», так и чрезвычайно больших тягот барщины. Автор подчеркивал, что не существовало точно определенных дней отработки, и помещик мог вызывать крестьян на работы в любое время. Барские поля лежали на значительном расстоянии от деревень, из-за чего крестьяне теряли много времени не только на барщине, но и в дороге [15, s. 51]. Только в 40-х гг. XIX в. в ходе проведения инвентарной реформы российское правительство сумело зафиксировать объемы крестьянских повинностей для каждого помещичьего хозяйства [23, s. 222].

Из-за недостатка удобрений уменьшалось плодородие сельскохозяйственных угодий; в неудовлетворительном состоянии находился и тягловый скот крестьян [22, с. 2–3; 21, с. 40]. Согласно подсчетам И. Ляхницкого, в среднем на крестьянский двор в Гродненской губернии приходилось менее одного вола, не хватало лошадей, во многих крестьянских хозяйствах впрягали в сохи коров, что приводило к потерям в молочной продукции [15, s. 53, 59]. Э. Массальский не видел перспектив для улучшения положения крестьян. Реальные изменения, согласно его убеждению, могли происходить только в области морали [24, s. 179]. Писатель среди причин крестьянской нищеты называл недостаточную компетентность помещиков и отсутствие у них заинтересованности в эффективной организации труда крепостных [25, s. V]. Особенно скептично писатель оценивал хозяйственную деятельность помещиц, которые, по его словам, ограничивали свою активность личным контролем над выдачей продуктов для кухни и учетом птицы [14, s. 209]. А. И. Миловидов среди возможных причин тяжелого положения белорусских крепостных называл политические амбиции польского дворянства по возрождению Речи Посполитой, которые требовали дополнительных денежных средств [26, с. 3–4]. Местное дворянство для сохранения своего политического положения в крае шло на невыгодные сделки по выкупу земельных участков у помещиков русского происхождения. Издержки подобных покупок также ложились дополнительным гнетом на крестьянское хозяйство [27, s. 347].

Согласно словам И. Ляхницкого, помещики распоряжались людскими судьбами, систематически оскорбляли человеческое достоинство, вмешивались в личную жизнь, запрещая, например, заключать браки с крестьянами другой деревни. Наихудшее положение, по убеждению публициста, было у крепостных, которые принадлежали мелкой шляхте, лучшее – у государственных крестьян [15, s. 59]. Ю. Крашевский признавал, что «на Руси», где между польским помещиком и крепостным лежали конфессиональные и этнические различия, положение крестьян было наихудшим [8, s. 136]. Э. Массальский считал, что в коммуникациях местного помещика и крестьянина было утрачено чувство национальной солидарности [14, s. 3–4]. Писатель усматривал истоки жестокого отношения шляхты к крестьянам в сарматской теории, которая выводила происхождение привилегированного сословия бывшей Речи Посполитой от сарматов, которые якобы покорили некогда предков крепостных [14, s. 114–115]. Сарматская идеология, актуализированная в первой трети XIX в. местными сторонниками романтизма, обосновывала факт владения крепостными правом народа-победителя и рассматривала белорусское крестьянство как этнически чуждое население [28, с. 57–58].

Индоктринация подобными идеями была, однако, редкостью в помещичьей среде. Общественное мнение выражал скорее Ю. Крашевский, согласно убеждению которого, крестьяне выплачивали барину повинности по той причине, что пользовались помещичьей землей. Перевес отработок над денежными выплатами писатель объяснял неразвитостью экономических отноше-

ний и нехваткой наличных денег. Ю. Крашевский упоминал об эксцессах чрезмерной эксплуатации (личная несвобода, отсутствие собственности, неудовлетворительные бытовые условия жизни, оскорбление человеческого достоинства крестьян), но делал акцент на «взаимной пользе» патриархальных отношений для помещиков и крепостных. По выражению Ю. Крашевского, тяжесть гнёта «польского барина» в денежном эквиваленте «не является самой большой в мире» [8, s. 68].

Для интеллектуально честных представителей местной интеллигенции были очевидными параллели между колониальными практиками Нового Света и местным крепостничеством. Так, Э. Т. Массальский в социальном романе «Пан Подстолич» сравнивал жизнь белорусского крестьянина с судьбой заморского раба [14, s. 108]. У К. Тышкевича вид крестьян Вилейского уезда – «сожженных до черноты солнцем», босых, ободранных, с нечесаными волосами, в бесформенных балахонах из грубого холста – вызывал ассоциации с бесправными жителями полуденных краев [2, s. 78].

Для крепостного населения Беларуси был свойственен высокий уровень смертности. Э. Т. Массальский видел причину этого в «бесчеловечном угнетении», следствием которого являлись изнурительная работа, скверное питание, плохая одежда (дети не имели обуви и зимней одежды), недостаточный присмотр за маленькими детьми, сырые дома, пьянство [14, s. 105–106; 29, s. 182–183]. Однако встречались и прямо противоположные наблюдения. Так, по утверждению Е. Тышкевича, крестьяне Борисовского уезда «физически хорошо сложены, имеют средний рост, здоровые», но вместе с тем они «ленивы, нерадивы с собственностью своей и нечестны с чужой» [23, s. 115].

Местные помещики осознавали тот факт, что представители крестьянства в великорусских губерниях жили лучше, чем крепостной-белорус. Причину данного положения нередко объясняли тем, что русский крестьянин активно занимается ремеслами и торговлей, а белорус «рожден только для сохи» [14, s. 165]. Например, владелец поместья Глубокие Рукшеницы (Глыбочка) Полоцкого уезда Северин Наркевич-Подвинский полностью контролировал экономическую активность своих крепостных, а также их доходы: продажу собственной сельскохозяйственной продукции крестьяне могли осуществлять только после согласования с экономией цен и объемов продаваемого. С барином крепостные обсуждали цели расходования заработанных денег от извоза. На определенные виды заработков экономия не давала согласия. Все это объяснялось тем, что владелец «старается улучшить состояние и нравственность крестьян» [11, л. 3 об., 4 об., 8].

Объективное отсутствие у местного крепостного населения свободного времени для дополнительных экономических занятий из-за чрезмерной занятости на барщине признавалось, но обосновывалось заботой о самом же крестьянине [14, s. 165]. По мнению Я. Тышкевича, хотя крепостной не свободен в своих передвижениях, но это идет только на пользу крестьянину, ведь барин опекает крестьянскую семью и морально отвечает за все поступки своих подопечных, а также следит, чтобы исполнялись распоряжения правительства о выделении рекрутов и выплате крестьянами налога [23, s. 222].

Помещики с неохотой давали крепостным разрешение покидать деревню с целью заработков, где «крестьянин развращается, делается непослушным», а также «привыкает к бродяжничеству, лени и пьянству» [14, s. 165]. Безусловно, местное население имело заработки при рубке и сплаве леса, а также на выгонке смолы и дегтя, изготовлении поташа, на мочальном, лыковом и лубочном производстве. Однако во времена крепостничества развитие подобных производств нередко способствовало обеднению крестьян, которые эксплуатировались на данных работах за ничтожную плату и отрывались от своих основных сельскохозяйственных занятий [22, с. 13–16]. **К. Контрим полагал, что и для иосновных сельскохозяйственных занятий [22, с. 13–16].**

8. Маслова, В. А. Лингвокультурный код как способ описания языка / В. А. Маслова // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: к 80-летнему юбилею профессора В. В. Колесова / редкол.: В. М. Брицын [и др.]. – 2-е изд., стереотип. – М., 2015. – С. 44–52.

9. Меркулова, Н. Г. Культурные коды головы в отечественном социокультурном пространстве: лингвокультурологические аспекты анализа / Н. Г. Меркулова // Культура и цивилизация. – 2016. – № 4. – С. 287–299.

10. Пименова, М. В. Принципы категоризации и концептуализации мира / М. В. Пименова // Studia Linguastica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы / [гл. ред. А. В. Кравченко]. – М., 2006. – С. 172–186.

11. Савицкий, В. М. Объем и содержание понятия «лингвокультурный код» / В. М. Савицкий // Культурные коды русской литературы: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 15–16 нояб. 2019 г. / Башк. гос. ун-т; отв. ред. Г. Г. Ишимбаева. – Уфа, 2019. – С. 61–71.

12. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: лекц. курс / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.

13. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

14. Абакумова, О. Е. Культурные коды в пословицах о счастье / О. Е. Абакумова, О. А. Сулица // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» / Нац. исслед. Нижегор. гос. ун-т; отв. ред. Л. В. Рацибурская. – Н. Новгород, 2019. – С. 3–9.

15. Грыневіч, Я. І. Каляндарна-храналагічны код беларускіх пазаабрадавых лірычных песень / Я. І. Грыневіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі фальклярыстык: [зб. арт.] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2015. – Вып. 19. – С. 201–208.

16. Мезенка, Г. М. Коды культуры і ўрбанімія славян: падабенства і варыяцыі рэпрэзентацыі / Г. М. Мезенка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка: XV Міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013 г.): дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; рэдкал.: А. А. Лукашанец (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2013. – С. 99–108.

17. Гудков, Д. Б. Телесный код культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 287 с.

18. Санько, С. Прадмова / С. Санько // Беларуская міфалогія: энцыкл. слоўн. / рэдкал.: С. Санько [і інш.]; [склад. І. Клімковіч]. – Мінск, 2004. – С. 3–11.

19. Швед, І. А. Колеравы код абрадаў жыццёвага цыкла беларусаў і іншых славян / І. А. Швед // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка: XV Міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013 г.): дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; рэдкал.: А. А. Лукашанец (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2013. – С. 345–358.

20. Швед, І. А. Энтамалагічны код традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў: павук / І. А. Швед // Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта: зб. навук. пр. / Брэсц. дзярж. ун-т. – Брэст, 2019. – Вып. 15, ч. 1: Гуманітарныя і грамадскія навукі. – С. 107–116.

21. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 392 с.

22. Аузан, А. А. Культурные коды в экономике: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа / А. А. Аузан. – М.: АСТ, 2022. – 159 с.

23. Мельнікава, А. М. Канцэптуалізацыя нацыянальнага ў беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук: 10.01.01 / А. М. Мельнікава; НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры. – Мінск, 2017. – 50 с.

24. Куликов, Е. А. Национальные культурные коды в романах Дэна Симмонса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е. А. Куликов; Нижегор. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2018. – 203 л.

25. Романов, А. А. Культурные коды в лирике Е. Шварц: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. А. Романов; Сарат. нац. исслед. гос. ун-т. – Саратов, 2021. – 217 л.

26. Калугина, Л. В. Поэзия Владимира Высоцкого и западноевропейская литература Средневековья и Возрождения: взаимодействие культурных дискурсов и культурных кодов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Л. Г. Калугина. – Омск, 2014. – 153 л.

27. Казютина, Е. С. Национальные культурные коды в художественном тексте Бориса Васильева «Господа волонтёры» / Е. С. Казютина, Е. Г. Озерова // Национальные культурные коды в европейской литературе XIX–XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации / Нижегор. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2020. – С. 217–224.

28. Белозерова, А. В. Проблема культурных кодов в эстетических исканиях С. Фолкса / А. В. Белозерова // Культурные коды русской литературы: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 15–16 нояб. 2019 г. / Башк. гос. ун-т; отв. ред. Г. Г. Ишимбаева. – Уфа, 2018. – С. 23–27.

29. Рапай, К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай; пер с англ. [У. Саламатова]. – 2-е изд. – М.: Юнайтед Пресс, 2010. – 166 с.

30. Изотова, Н. Н. Коды японской культуры / Н. Н. Изотова; под ред. Т. М. Гуревича. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 301 с.

31. Эпштэйн, М. Первопонятия. Ключи к культурному коду / М. Эпштэйн. – М.: КоЛибри, 2022. – 720 с.

32. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Г. А. Багаутдинова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2007. – 45 с.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 338.242
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-61-71

Поступила в редакцию 18.10.2022
Received 18.10.2022

В. Л. Гурский

Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС[1]

Аннотация. Определены сущность и содержание общей стратегии развития промышленности государств – членов интеграционного объединения как формы согласования их промышленных политик, выявлены субъекты и объекты формирования общей стратегии развития промышленности, сформулирована ее цель. Показаны предпосылки формирования общей стратегии развития промышленности, отражающие объективные процессы, происходящие в мировой экономике, на основе которых определены устойчивые зависимости (закономерности), характеризующие необходимость формирования общей стратегии развития промышленности ЕАЭС. Установлено, что формирование общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС включает факторы, детерминирующие форму межгосударственного взаимодействия по согласованию механизмов реализации промышленной политики, а также факторы, определяющие содержание (направления) процесса развития промышленного комплекса стран ЕАЭС как единого целого.

Ключевые слова: экономическая интеграция, ЕАЭС, регионализация мировой экономики, общая стратегия развития промышленности, промышленная политика, национальные интересы, факторы развития интеграции

Для цитирования: Гурский, В. Л. Теоретические основы формирования общей стратегии развития промышленности государств – членов ЕАЭС / В. Л. Гурский // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 61–71. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-1-61-71

Vasili L. Hursky

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF A COMMON STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY OF THE EAEU MEMBER STATES

Abstract. The article defines the essence and content of the general industrial development strategy of the member states of the integration association as a form of coordination of their industrial policies, identifies the subjects and objects of the formation of a general industrial development strategy, and formulates its purpose. The prerequisites for the formation of a general industrial development strategy reflecting the objective processes taking place in the world economy are identified, on the basis of which stable dependencies (patterns) characterizing the need for the formation of a general industrial development strategy of the EAEU are determined. It is established that the factors of formation of the general strategy of industrial development of the EAEU member states include factors determining the form of interstate interaction on the coordination of mechanisms for the implementation of industrial policy, and factors determining the content (directions) of the industrial development process.

Keywords: economic integration, EAEU, regionalization of the world economy, general industrial development strategy, industrial policy, national interests, integration development factors

For citation: Hursky V. L. Theoretical foundations for the formation of a common strategy for the development of the industry of the EAEU member states. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 1, pp. 61–71 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-61-71

© Гурский В. Л., 2023

[1] Статья выполнена в рамках реализации исследовательского проекта «Разработать теоретико-методологические основы формирования общей стратегии развития промышленности в ЕАЭС в контексте обеспечения экономической безопасности стран-членов» Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г22У-003 от 04.05.2022).

ются: Главы государств; Правительства; постоянно действующий регулирующий орган интеграционного объединения (ЕЭК), государственные научные учреждения; комитеты по науке и технологиям, по земельным ресурсам; муниципальные органы исполнительной власти; концерны и холдинги; национальные промышленные предприятия; иностранные коммерческие и некоммерческие организации, чья деятельность связана с функционированием промышленного комплекса, включая транснациональные корпорации, международные финансовые организации, промышленные лоббистские организации зарубежных стран; индивидуальные предприниматели; трудовые коллективы; домашние хозяйства и индивиды.

В процессе формирования общей стратегии развития промышленности государств – членов интеграционного объединения необходимо достичь: баланс национальных интересов государств – членов интеграционного объединения и частных интересов их субъектов хозяйствования; баланс национальных интересов государств – членов интеграционного объединения; баланс общих интересов интеграционного объединения и национальных интересов стран.

Примерами взаимодействия субъектов формирования общей стратегии развития промышленности в ЕАЭС как формы согласования промышленных политик государств – членов интеграционного объединения могут быть соперничество, конкуренция, столкновение интересов, кооперация, субординированное подчинение, компромисс, сотрудничество, консенсус и др. Степень участия субъектов промышленной политики в ее формировании может быть различной – от активного выдвижения инициатив, обсуждения и утверждения до пассивного принятия к сведению и исполнения.

Таким образом, необходимость формирования общей стратегии развития промышленности государств – членов интеграционного объединения (общего плана действий) как объединяющей, конкретизирующей и систематизирующей формы согласования промышленных политик обусловлена глобальностью решаемых задач и длительными сроками реализации принятых решений, требующими оптимального использования наличных и будущих ресурсов.

Анализ факторов и предпосылок формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС. Общая стратегия промышленного развития государств – членов ЕАЭС понимается нами как система согласованных государствами – членами ЕАЭС общих целей, методов, подходов и направлений развития промышленных комплексов государств – членов интеграционного объединения на долгосрочную перспективу в рамках единого экономического пространства ЕАЭС, которая определяет совокупность согласованных правил в форме добровольных обязательств стран – членов ЕАЭС, используемых для принятия как совместных, так и индивидуальных решений, при разработке и реализации национальной промышленной политики. И. Ансофф отмечает, что «по своему существу стратегия есть набор правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности» [27].

Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук, В. А. Карпинская подчеркивают, что «фундаментальным отличием современного понимания стратегии от классического является обращение к понятию инклюзивности стратегии. Под инклюзивностью стратегии понимается органическое сопряжение стратегии экономического субъекта со стратегиями его социально-экономического окружения» [28].

Существенные изменения в структуре международных экономических отношений, связанные с текущим переделом рынков и сфер влияния в мире, требуют адаптации внешней и внутренней политики наших стран, в том числе путем формирования общей стратегии развития промышленности.

Исходными предпосылками формирования общей стратегии развития промышленности являются следующие объективные процессы, происходящие в мировой экономике:

1) преобладание процессов регионализации над процессами глобализации и в мировой экономике обусловливает необходимость формирования евразийского пояса экономической безопасности;

2) рост неопределенности в системе международных экономических отношений формирует сферу общих проблем и интересов в промышленном комплексе стран ЕАЭС;

3) происходит формирование государствами – членами ЕАЭС экономического союза как формы развития международной региональной экономической интеграции.

Противоречивое сочетание процессов глобализации и регионализации в мировой экономике проявляется, с одной стороны, в форме интернационализации деловой активности хозяйствующих субъектов и формировании глобальных цепочек создания стоимости, с другой стороны,

в нарушении международных производственных и логистических цепочек по причине нарастающих санкционных мер и открытой конфронтации отдельных стран, которые формируют необходимость государств в локализации производств. Тенденция регионализации экономики и локализации производств в настоящее время стала доминирующей. Формирование общей стратегии развития промышленности стран ЕАЭС выступает одной из форм конструктивного взаимодействия, которая позволит более полно использовать преимущества международного разделения труда и обеспечить экономическую безопасность стран.

Как было отмечено ранее, «рост неопределенности в системе международных экономических отношений, выражающийся в существенном изменении баланса сил, сфер влияния, каналов товародвижения, обусловлен как историческими предпосылками, так и развитием научно-технического прогресса. На наш взгляд, существует две тенденции, обусловливающие нарастание неопределенности международных отношений на современном этапе: во-первых, это обострение борьбы между государствами за технологическое доминирование, вызванное переходом к новому технологическому укладу; во-вторых, обострение борьбы между ТНК и государственными структурами за контроль над ресурсами, вызванное растущей мощью ТНК и их стремлением избавиться от контроля со стороны государства» [29].

Международная повестка формирует сферу общих проблем и интересов экономик стран ЕАЭС. Поэтому есть все основания для дальнейшего расширения и углубления интеграционных отношений в ЕАЭС. Формирование государствами – членами ЕАЭС экономического союза как формы развития международной региональной экономической интеграции отличается от остальных форм международной интеграции именно проведением согласованной экономической политики. Основной предпосылкой и одновременно результатом региональной интеграции является развитие глубоких устойчивых взаимосвязей между национальными хозяйствами, основанных на разделении и кооперации труда. Процесс интеграционного объединения стран направлен на формирование единой производственно-хозяйственной системы. При условии расширения и углубления устойчивых взаимосвязей, т. е. повышения целостности структуры, возникает потребность в целенаправленном межгосударственном регулировании данного процесса. Поскольку интегрируемые экономики относятся к индустриальным, согласование промышленных политик как механизм межгосударственной координации деловой активности в промышленности и связанных сферах деятельности становится его центральным звеном.

Таким образом, выявленные предпосылки являются объективными, устойчивыми тенденциями в развитии международных экономических отношений, а значит, установленные взаимосвязи, обусловливающие формирование общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС в условиях глобализации и международной интеграции, являются закономерностями. Установленные закономерности характеризуют следующие устойчивые зависимости:

роль государственного регулирования развития промышленности и межгосударственной координации промышленной кооперации стран ЕАЭС как способа продвижения и реализации национальных интересов и обеспечения национальной экономической безопасности государств – членов интеграционного объединения возрастает по мере роста внешнеэкономических рисков и угроз, возникающих вследствие роста неопределенности международных экономических отношений;

необходимость межгосударственной координации промышленной политики, формирования общих рынков промышленной, в том числе промежуточной, продукции стран ЕАЭС с целью более эффективного использования преимуществ международного разделения труда и интеграционных эффектов растет по мере углубления международной экономической интеграции;

проведение согласованной промышленной политики в условиях ускорения НТП требует формирования единого научно-технологического пространства, координации научных исследований и расширения сотрудничества в научной, научно-технической и инновационной сферах.

Выявленные предпосылки и закономерности позволяют теоретически обосновать целесообразность формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС в условиях нарастающей неопределенности международных экономических отношений и развития международной экономической интеграции стран ЕАЭС. По мнению М. Кривогуза и Д. Фесенко, «снижение темпов развития кооперации в обрабатывающей промышленности в рамках ЕАЭС

в течение последних трѐх лет свидетельствует о необходимости активизации работы по созданию условий для развития союзной кооперации» [30].

Факторы формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС необходимо разделить на те, которые обусловливают саму возможность формирования общей стратегии развития промышленности в интеграционном объединении, т. е. факторы, детерминирующие форму межгосударственного взаимодействия по согласованию механизмов реализации промышленной политики, и те, которые определяют содержание (направления) процесса развития промышленного комплекса стран ЕАЭС как единого целого.

В то же время факторы, детерминирующие форму общей стратегии развития промышленности в интеграционном объединении и обусловливающие саму возможность ее формирования, можно разделить на следующие: *институциональные* – отражающие политическую волю стран – членов ЕАЭС; *организационные* – отражающие механизм взаимодействия субъектов формирования общей стратегии; *экономические* – отражающие возможность координации экономических интересов субъектов хозяйствования стран – членов ЕАЭС.

К институциональным факторам, обусловливающим формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов, можно отнести такие экономические и политические процессы, которые, во-первых, отражают политическую волю и формируют устойчивые социально-экономические связи между субъектами промышленной политики стран ЕАЭС через межгосударственные соглашения, во-вторых, реально предопределяют формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов. На политическом уровне решение о согласовании промышленной политики в ЕАЭС утверждено Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Прежде всего, согласно ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе, «в рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики» [31]. В ст. 92 «Промышленная политика и сотрудничество» определены цели ее проведения и формат взаимодействия Сторон: «В рамках Союза проводится согласованная макроэкономическая политика, предусматривающая разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов». Договором о ЕАЭС предусмотрена разработка Основных направлений экономического развития Союза, а также основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов. Однако текущий уровень развития механизма согласования обеспечивает лишь возможность (но не обязательность) для государств – членов Союза «предпринять при необходимости согласованные действия в области макроэкономической политики». Необходимость формирования общей стратегии развития промышленности в ЕАЭС нашла отражение в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденных 11 декабря 2020 г. [32]. В частности, предусмотрены формирование системы стратегического планирования в рамах Договора п. 6.2, в том числе в п. 6.2.7 предполагается всесторонняя оценка целесообразности формирования общей стратегии развития промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры в Союзе.

Опыт реализации ОНПС показал, что наилучших результатов удается добиться по тем направлениям, где государства-члены ощущают наличие общих интересов и действуют согласованно, совместно решая стоящие перед ними задачи. Как показала практика, необходимо делать акцент на разработке и продвижении масштабных совместных проектов по производству инновационной, конкурентоспособной продукции, востребованной как на внутреннем, так и на внешних рынках.

К организационным факторам, обусловливающим формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов стран ЕАЭС, можно отнести развитие органов ЕАЭС, организацию взаимодействия между ними и организацию межгосударственного взаимодействия в рамках ЕАЭС.

Организационный уровень принятия государственных решений служит для технического обеспечения процесса достижения поставленных целей через поддержание межорганизационных отношений государственных структур, обеспечение внутри- и межведомственных процессов, развитие коммуникаций с населением и организациями. Основные институциональные органы ЕАЭС выполняют роль организаторов международного взаимодействия на разных уровнях и в раз-

личных сферах. Органы управления ЕАЭС по своей сути не являются наднациональными органами управления, хотя и называются так в отдельных случаях [33]. Принципиальной особенностью Евразийского союза является приоритет национальных интересов над наднациональными. Принимаемые в ЕЭК решения носят для национальных правительств в основном рекомендательный характер и требуют согласования на всех институциональных уровнях ЕАЭС. Приоритетность национальных (государственных) интересов над наднациональными (интеграционными) и механизм коллегиального принятия решений являются дополнительными факторами для защиты национальных интересов государств. Однако каждый спорный случай требует достижения консенсуса, т. е. фактического перехода к «ручному режиму», что существенно тормозит процесс интеграции.

Главным связующим звеном процесса согласования стала Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Согласно официальной позиции ЕЭК, «согласованная макроэкономическая политика является необходимым инструментом повышения устойчивости национальных экономик и, соответственно, Союза в целом, поскольку позволяет через координацию и согласование действий государств-членов предупреждать и нивелировать негативные эффекты как внешнего, так и взаимного влияния» [34]. Главным субъектом в регулировании баланса интересов сторон выступает Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС), в который входят главы государств-участников. ВЕЭС является ключевым механизмом сдерживания и соблюдения баланса национальных и интеграционных интересов. Зачастую единственным механизмом их согласования становятся многосторонние или двусторонние встречи глав государств. Президенты государств-членов, являясь одновременно членами Высшего Евразийского экономического совета и главами исполнительной власти в своей стране, могут вырабатывать совместные решения на уровне Союза и осуществлять их реализацию на национальном уровне, тем самым осуществляя сопряжение национальных и наднациональных институтов. Вместе с тем для согласования промышленных политик невозможно постоянно использовать этот ресурс. Решение текущих вопросов промышленного сотрудничества в нормальном (не кризисном) режиме требует иных механизмов.

К экономическим факторам в данном случае следует отнести дополнительные возможности для субъектов хозяйствования реализовать свои экономические интересы в условиях развития интеграционных процессов за счет сокращения неопределенности в системе экономических отношений, в том числе путем формирования общей стратегии развития промышленных комплексов.

В частности, как указывает М. В. Мясникович, «в настоящее время сформирована карта индустриализации ЕАЭС, которая включает в себя более чем 185 крупных инвестиционных и значимых проектов сметной стоимостью более 300 млрд долларов в более чем 21 отрасли и по 550 технологическим направлениям, по которым в ЕАЭС имеется необходимость в импортозамещении. Это по своей сути интеграционные проекты. Обеспечен равный доступ субъектов хозяйствования государств – членов ЕАЭС к государственным закупкам» [23]. Он отмечает также, что «утверждена Фармакопея Союза. К концу 2025 г. регистрационные досье всех обращаемых на общем рынке лекарств будут приведены в соответствие с требованиями ЕАЭС. Одобрена межгосударственная программа «Интегрированная система государств – членов ЕАЭС по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли». Также принято решение о разработке второй межгосударственной программы «Повышение эффективности и надежности работы объектов промышленности и распределенной энергетики в государствах – членах ЕАЭС» [23]. Эти и другие эффекты интеграции формируют дополнительные стимулы для развития промышленной кооперации в ЕАЭС, т. е. напрямую влияют на процесс формирования общей стратегии развития промышленных комплексов.

Ключевым компонентом этого уровня отношений на данном этапе развития интеграции выступает промышленный блок ЕЭК, который «выстраивает работу по координации национальных политик, как это предусмотрено ст. 92 Договора о ЕАЭС и ОНПС. Главный упор делается на создание благоприятных условий для развития кооперационных связей» [35, с. 53]. ЕЭК постоянно проводит мониторинг препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС и формирует соответствующий реестр.

Факторы, определяющие содержание (направления) процесса развития промышленного комплекса стран ЕАЭС как единого целого, можно разделить на внешние и внутренние.

В качестве внутренних экономических факторов, обусловливающих формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов, необходимо выделить: количественные и качественные изменения трудовых ресурсов, в том числе ее свободное перемещение в ЕАЭС; объемы и легкость доступа к инвестиционным ресурсам, в том числе свободное перемещение капиталов в ЕАЭС; имеющиеся материально-технические и технологические ресурсы, в том числе свободное распространение технологий в ЕАЭС; уровень развития отечественной фундаментальной и прикладной науки, разработки которой предназначены для промышленности, в том числе формирование единого научно-инновационного пространства в ЕАЭС; объемы и легкость взаимной торговли в ЕАЭС, в том числе свободное перемещение товаров, услуг; развитость системы государственного регулирования экономики и способность государств ЕАЭС мобилизовать экономические ресурсы для проведения модернизации промышленности.

В качестве внешних факторов, обусловливающих формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов, необходимо выделить: геоэкономическое развитие (создание региональных союзов, в том числе ЕАЭС); зависимость отечественной промышленности от экономических ресурсов, поступающих из-за границы; состояние и динамику внешних рынков сбыта продукции промышленного комплекса; научно-техническую политику; международные технологические трансферты; социальную политику; старые и новые внешние риски и угрозы.

Действие обозначенных факторов усиливается по причине высокого уровня открытости экономик государств – членов ЕАЭС. Кроме того, обозначенные выше факторы существенно ограничивают возможности развития промышленности государств – членов ЕАЭС по отдельности, тем самым определяя объективную необходимость формирования и реализации общей стратегии развития промышленных комплексов, т. е. в межгосударственной координации и субординации принципов, целей и инструментов промышленных политик.

Заключение. Таким образом, на основе авторского определения понятия «промышленная политика» показаны сущность и содержание общей стратегии развития промышленности государств – членов интеграционного объединения как формы согласования их промышленных политик. Формирование общей стратегии развития промышленности представляет собой процесс межгосударственного взаимодействия по совместной выработке общих целей, методов, подходов и направлений развития промышленных комплексов государств – членов интеграционного объединения, а также механизмов их реализации в форме относительно устойчивых взаимных обязательств (соглашений), формирующих институциональную среду для более полного использования преимуществ международного разделения и кооперации труда за счет межгосударственной координации экономического взаимодействия. Целью формирования общей стратегии развития промышленности государств – членов интеграционного объединения является повышение системной целостности промышленного комплекса интеграционного объединения на принципах формализованного равноправия и учета национальных интересов каждого государства-члена.

Выявлены предпосылки формирования общей стратегии развития промышленности, отражающие объективные процессы, происходящие в мировой экономике, на основе которых определены устойчивые зависимости (закономерности), характеризующие необходимость формирования общей стратегии развития промышленности ЕАЭС. Установлено, что факторы формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС включают факторы, детерминирующие форму межгосударственного взаимодействия по согласованию механизмов реализации промышленной политики, а также факторы, определяющие содержание (направления) процесса развития промышленного комплекса стран ЕАЭС как единого целого.

Факторы, детерминирующие форму общей стратегии развития промышленности в интеграционном объединении и обусловливающие саму возможность ее формирования, можно разделить на: *институциональные* – отражающие политическую волю стран-членов ЕАЭС; *организационные* – отражающие механизм взаимодействия субъектов формирования общей стратегии; *экономические* – отражающие возможность координации экономических интересов субъектов хозяйствования стран – членов ЕАЭС. К институциональным факторам, обусловливающим формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов, можно отнести такие экономические и политические процессы, которые, во-первых, отражают политическую волю и формируют устой-

чивые социально-экономические связи между субъектами промышленной политики стран ЕАЭС через межгосударственные соглашения, во-вторых, реально предопределяют формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов. К организационным факторам, обусловливающим формирование и реализацию общей стратегии развития промышленных комплексов стран ЕАЭС, можно отнести развитие органов ЕАЭС, организацию взаимодействия между ними и организацию межгосударственного взаимодействия в рамках ЕАЭС. К экономическим факторам в данном случае следует отнести дополнительные возможности для субъектов хозяйствования реализовать свои экономические интересы в условиях развития интеграционных процессов за счет сокращения неопределенности в системе экономических отношений, в том числе путем формирования общей стратегии развития промышленных комплексов. Факторы, определяющие содержание (направления) процесса развития промышленного комплекса стран ЕАЭС как единого целого, включают внешние и внутренние условия использования экономических ресурсов.

Список использованных источников

1. Сариева, Д. Ш. К вопросу о сущности международной экономической интеграции / Д. Ш. Сариева // Chronos. – 2019. – № 10 (37). – С. 38–40.

2. Солодовников, С. Ю. Евразийская экономическая интеграция / С. Ю. Солодовников, Ю. В. Мелешко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2016. – № 3. – С. 121–125.

3. Камалян, А. К. Продовольственная безопасность в Евразийском экономическом союзе: проблемы и пути решения / А. К. Камалян // Экономика сел. хоз-ва России. – 2022. – № 4. – С. 12–20. https://doi.org/10.32651/224-12

4. Саргсян, Л. Н. Влияние экспорта на экономический рост в условиях либерализации торговли / Л. Н. Саргсян // Регион. проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 8 (94). – С. 185–191. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-8-185-191

5. Барсегян, А. С. Гармонизация промышленной и торговой политики Армении с учетом экономической безопасности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05; 08.00.14 / А. С. Барсегян. – Краснодар, 2010. – 180 л.

6. Байнев, В. Ф. Переход Беларуси к инновационной экономике: реформирование или модернизация? / В. Ф. Байнев // Наука и инновации. – 2016. – № 4. – С. 22–25.

7. Войтехович, А. Оценка уровня конвергенции экономик стран ЕАЭС как предпосылки создания валютного союза / А. Войтехович // Банк. весн. – 2018. – № 12 (665). – С. 26–38.

8. Готовский, А. В. Промышленная политика в Евразийской интеграции / А. В. Готовский // Евраз. экон. интеграция. – 2015. – № 1 (26). – С. 39–65.

9. Шумилин, А. Г. Приоритеты международного научно-технического и инновационного сотрудничества Республики Беларусь / А. Г. Шумилин // Наука и инновации. – 2020. – № 4 (206). – С. 34–38.

10. Мясникович, М. В. Практические вопросы евразийской экономической интеграции / М. В. Мясникович. – Минск: Беларус. навука, 2021. – 294 с.

11. Белявская, М. С. Понятие промышленной политики / М. С. Белявская, С. Ю. Солодовников // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф., 22 мая 2015 г., Пинск / Полес. гос. ун-т ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск, 2015. – С. 11–12.

12. Преснякова, Е. В. Механизм стимулирования взаимных инвестиций Республики Беларусь и государств-членов Евразийского экономического союза / Е. В. Преснякова, Т. С. Матейчук, Е. В. Зайцева; под ред. Е. В. Пресняковой. – Минск: Ин-т экономики НАН Беларуси, 2017. – 179 с.

13. Евразийский экономический союз в условиях пандемии: проблемы и перспективы интеграции / Д. Тюлебекова [и др.] // Центр. Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 86–102. https://doi.org/10.37178/ca-c.21.03.07

14. Турекулова, Д. М. Инновационная деятельность предприятий Казахстана / Д. М. Турекулова, Л. К. Мухамбетова, Н. А. Байзаков // Вестн. ун-та ТУРАН. – 2019. – № 4 (84). – С. 9–14.

15. Кенжебаева, М. Т. Основные подходы к определению промышленной политики / М. Т. Кенжебаева // Вестн. КазНУ. Сер. экон. – 2011. – Т. 83, № 1. – С. 7–12.

16. Жупарова, А. С. Характеристика современного этапа развития промышленности Республики Казахстан / А. С. Жупарова // Вестн. КазНУ. Сер. экон. – 2011. – Т. 87, № 5. – С. 74–78.

17. Кудайкулов, М. К. Концептуальная основа государственной промышленной политики Кыргызской Республики / М. К. Кудайкулов, Т. А. Асанов // Вестн. Кыргыз.-Рос. Славян. ун-та. – 2018. – Т. 18, № 11. – С. 49–52.

18. О приоритетах в Кыргызской экономике [Электронный ресурс] // Аналитический Центр «Разумные решения». – Режим доступа: http://www.analitika.org/index.php/kyrgyzstan/kg-economics/9795-20060312110508604. – Дата доступа: 16.08.2022.

19. Широв, А. А. Требования к внешнеэкономическим связям в контексте достижения целей развития российской экономики / А. А. Широв, М. С. Гусев // Контуры глоб. трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 44–62. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

20. Мясникович, М. Методологические подходы к разработке стратегии развития ЕАЭС в условиях мирового кризиса / М. Мясникович, С. Глазьев // Наука и инновации. – 2020. – № 7 (209). – С. 4–15.

21. Стрижкова, Л. А. О структуре стоимости конечной отечественной продукции на основе межотраслевого метода / Л. А. Стрижкова // Экономист. – 2013. – № 6. – С. 61–71.

22. Сценарии развития экономической ситуации в России в 2020–2021 гг. и вызовы экономической политики / А. Л. Ведев [и др.] // Экон. развитие России. – 2020. – Т. 27, № 5. – С. 4–23.

23. Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10, № 15. – С. 2–21.

24. Бодрова, Е. В. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации / Е. В. Бодрова, М. Н. Гусарова, В. В. Калинов; под общ. ред. Е. В. Бодровой. – М.: РЕГЕНС, 2014. – 939 с.

25. Мясникович, М. В. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции / М. В. Мясникович, В. С. Ковалев // Междунар. жизнь. – 2021. – № 11. – С. 1–15.

26. Гурский, В. Л. Организационно-экономический механизм согласования промышленной политики государств–членов ЕАЭС / В. Л. Гурский. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 321 с.

27. Ансофф, И. Стратегический менеджмент. Классическое издание: пер. с англ. / И. Ансофф; под ред. А. Н. Петрова. – СПб.: Питер, 2009. – 344 с.

28. Клейнер, Г. Б. Стратегическое планирование и системная оптимизация национальной экономики / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук, В. А. Карпинская // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 3 (192). – С. 6–15. https://doi.org/10.47711/0868-6351-192-6-15

29. Гурский, В. Л. Перспективы экономической интеграции стран–участниц СНГ в новых геоэкономических условиях / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 71–80. https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-71-80

30. Кривогуз, М. Промышленная политика стран ЕАЭС: вместе или врозь? / М. Кривогуз, Д. Фесенко // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 1 (54). – С. 9–26. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-9-26

31. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176. – Дата доступа: 27.07.2022.

32. О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. решением Высш. Евраз. экон. совета, 11 дек. 2020 г., № 12 // Евразийский экономический союз. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12. – Дата доступа: 07.09.2022.

33. В ЕАЭС проверят эффективность наднационального регулирования [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/15-05-2019-1/?sphrase_id=145792. – Дата доступа: 12.08.2022.

34. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. – М.: Евраз. экон. комис., 2014. – 216 с.

35. Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции / Евраз. экон. комис. – М.: [б. и.], 2018. – 119 с.

References

1. Sarieva D. Sh. To the question of the essence of international economic integration. *Chronos,* 2019, no. 10 (37), pp. 38–40 (in Russian).

2. Solodovnikov S. Yu., Meleshko Yu. V. Eurasian economic integration. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2016, no. 3, pp. 121–125 (in Russian).

3. Kamalian A. K. Food security in the Eurasian economic union: problems and solutions. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of Agriculture of Russia*, 2022, no. 4, pp. 12–20 (in Russian). https://doi.org/10.32651/224-12

4. Sargsyan L. N. The impact of export on the economic growth in the conditions of liberalization of trade. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation], 2018, no. 8 (94), pp. 185–191 (in Russian). https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-8-185-191

5. Barsegyan A. S. *Harmonization of the industrial and trade policy of Armenia, taking into account economic security*. Ph. D. Thesis. Krasnodar, 2010. 180 p. (in Russian).

6. Bainev V. F. Transition of Belarus to an innovative economy: reform or modernization? *Nauka i innovatsii = Science and Innovations*, 2016, no. 4, pp. 22–25 (in Russian).

7. Vaitsiakhovich A. Asessment of economic convergence in the EAEU as a precondition for creating a monetary union. *Bankauski vesnik* [Bank Bulletin], 2018, no. 10 (665), pp. 26–38 (in Russian).

8. Gotovsky A. V. Policies of the Eurasian industrial integration. *Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya* [Eurasian Economic Integration], 2015, no. 1 (26), pp. 39–65 (in Russian).

9. Shumilin A. G. The most competitive domestic developments created as a result of international projects are given. *Nauka i innovatsii = Science and Innovations*, 2020, no. 4 (206), pp. 34–38 (in Russian).

10. Myasnikovich M. V. *Practical issues of Eurasian economic integration*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 294 p. (in Russian).

11. Belyavskaya M. S., Solodovnikov S. Yu. The concept of industrial policy. *Ustoichivoe razvitie ekonomiki: sostoyanie, problemy, perspektivy: sbornik trudov IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 22 maya 2015 g., Pinsk* [Sustainable development of the economy: state, problems, prospects: proceedings of the IX International scientific and practical conference, 22 May, 2015, Pinsk]. Pinsk, 2015, pp. 11–12 (in Russian).

12. Presnyakova E. V., Mateichuk T. S., Zaitseva E. V. *The mechanism for stimulating mutual investments of the Republic of Belarus and the member states of the Eurasian Economic Union*. Minsk, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, 2017. 179 p. (in Russian).

13. Tyulebekova D., Abildin S., Nechayeva Ye., Dyussembekova M. Eurasian Economic Union during the pandemic: integration problems and prospects. *Central Asia and the Caucasus,* 2021, vol. 22, no. 3, pp. 79–93. https://doi.org/10.37178/ca-c.21.3.07

14. Turekulova D. M., Mukhambetova L. K., Baizakov N. A. Innovative activity of Kazakhstan enterprises. *Vestnik universiteta TURAN = Bulletin of "Turan" University,* 2019, no. 4 (84), pp. 9–14 (in Russian).

15. Kenzhebaeva M. T. Basic approaches to the definition of industrial policy. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya ekonomicheskaya = The Journal of Economic Research & Business Administration*, 2011, vol. 83, no. 1, pp. 7–12 (in Russian).

16. Zhuparova A. S. Characteristics of the modern stage of development of the industry of the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya ekonomicheskaya = The Journal of Economic Research & Business Administration*, 2011, vol. 87, no. 5, pp. 74–78 (in Russian).

17. Kudaykulov M. K., Asanov T. A. Conceptual basis of the state industrial policy of the Kyrgyz Republic. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta* [Herald of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2018, vol. 18, no. 11, pp. 49–52 (in Russian).

18. On priorities in the Kyrgyz economy. *Analytical Center "Prudent Solutions*". Available at: http://www.analitika.org/index.php/kyrgyzstan/kg-economics/9795-20060312110508604 (accessed 16.08.2022) (in Russian).

19. Shirov A. A., Gusev M. S. Requirements for foreign economic relations in the context of achieving the goals of the development of the Russian economy. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 44–62 (in Russian). https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-3

20. Myasnikovich M., Glazyev S. Methodological approaches to the EAEU strategy development in a global crisis. *Nauka i innovatsii = Science and Innovations,* 2020, no. 7 (209), pp. 4–15 (in Russian).

21. Strizhkova L. A. On the structure of the cost of final domestic products based on the intersectoral method. *Economist*, 2013, no. 6, pp. 61–71 (in Russian).

22. Vedev A. L., Drobyshevsky S. M., Knobel A. Yu., Sokolov I. A., Trunin P. V. Scenarios of the development of economic situation in Russia in 2020–2021 and challenges for economic policy. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*, 2020, vol. 27, no. 5, pp. 4–23 (in Russian).

23. Sukharev O. S., Strizhakova E. N. Industrial policy and development of industrial systems. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2014, vol. 10, no. 15, pp. 2–21 (in Russian).

24. Bodrova E. V., Gusarova M. N., Kalinov V. V. *Evolution of the state industrial policy in the USSR and the Russian Federation*. Moscow, REGENS Publ., 2014. 939 p. (in Russian).

25. Myasnikovich M. V., Kovalev V. S. Practical results and new horizons of Eurasian integration. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Affairs*, 2021, no. 11, pp. 1–15 (in Russian).

26. Gurskii V. L. *Organizational and economic mechanism for coordinating the industrial policy of the EAEU member states*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 321 p. (in Russian).

27. Ansoff H. Igor. *Strategic management*. London, Palgrave Macmillan, 2007. 251 p. https://doi.org/10.1057/9780230590601

28. Kleiner G. B., Rybachuk M. A., Karpinskaya V. A. Strategic planning and systemic optimization of the national economy. *Studies on Russian Economic Development,* 2022, vol. 33, no. 3, pp. 243–248. https://doi.org/10.1134/S1075700722030054

29. Hurski V. L. Perspectives for economic integration of the cis member countries in new geoeconomic conditions. *Ekonomicheskaya nauka segodnya: sbornik nauchnykh statei* [Economics today: collection scientific articles]. Minsk, 2021, iss. 14, pp. 71–80 (in Russian). https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-71-80

30. Krivoguz M., Fesenko D. Industrial policy of the EAEU countries: together or apart? *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii = Russia and New States of Eurasia*, 2022, no. 1 (54), pp. 9–26 (in Russian). https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-9-26

31. Treaty on the Eurasian Economic Union. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176 (accessed 27.07.2022) (in Russian).

32. Strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025: approved by the decision of the Supreme Eurasian Economic Council, December 11, 2020, no. 12. *Eurasian Economic Union*. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/en-us/01428320/err_12012021_12 (accessed 07.09.2022) (in Russian).

33. The EAEU will test the effectiveness of supranational regulation. *Eurasian Economic Commission*. Available at: https://eec.eaeunion.org/news/15-05-2019-1/?sphrase_id=145792 (accessed 12.08.2022) (in Russian).

34. *Eurasian Economic Union. Questions and answers. Numbers and facts*. Moscow, Eurasian Economic Union, 2014. 216 p. (in Russian).

35. Eurasian Economic Commission. *Industrial policy in the Eurasian Economic Union: three years of integration*. Moscow, 2018. 119 p.

Информация об авторе

Гурский Василий Леонидович – доктор экономических наук, главный ученый секретарь Национальной академии наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vhurski@yandex.by

Information about the author

Vasili L. Hursky – D. Sc. (Econ.), Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave., Minsk 220072, Belarus). E-mail: vhurski@yandex.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Onlin)

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

Паступіў у рэдакцыю 28.06.2022
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-72-74 Received 28.06.2022

К. В. Часнакова

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

IN VARIETATE CONCORDIA[1]: ДА ПЫТАННЯ ІМАГАЛОГІІ

Адным з самых актуальных і прадуктыўных напрамкаў развіцця сучаснага літаратуразнаўства з'яўляецца імагалагічны. Імагалогія (ад англ. image – вобраз, карціна і грэч. logos – навука, вучэнне) – сфера, галіна гуманітарных навуковых ведаў, якая вывучае ўстойлівыя вобразы "іншых", "чужых" краін, этнасаў, народаў, культур, літаратур, моў і г. д. – іншародных для суб'екта ўспрымання. Імагалогія мае міждысцыплінарны характар. У сувязі з гэтым можна сцвярджаць, што існуюць розныя тыпы імагалогіі: фальклорная, мастацкая, гістарычная і г. д. Так, напрыклад, у сферы "гістарычнай імагалогіі" даследчыкі карыстаюцца архіўнымі дакументамі, мемуарамі, рознымі гістарычнымі запісамі і г. д. – усім тым, што дазваляе прасачыць трансфармацыю ўяўленняў аднаго народа пра другі ў эвалюцыйным гістарычным развіцці. Акрамя "гістарычнай" мае месца і "мастацкая імагалогія", якая разглядае вобразы "іншых", "чужых" у творах мастацкай літаратуры. Матэрыял, узяты з гісторыі, культуралогіі, літаратуры, псіхалогіі, этналогіі, этнаграфіі і інш., дазваляе выпрацаваць агульную парадыгму рэцэпцыі "іншага" і "чужога" ў прасторы пэўнай нацыянальнай свядомасці і сацыяльнай маралі.

Літаратуразнаўчая імагалогія як навуковая дысцыпліна пачала афармляцца ў канцы XIX стагоддзя, а сам тэрмін "імагалогія" стаў актыўна выкарыстоўвацца навукоўцамі толькі напрыканцы XX стагоддзя. Першымі аўтарамі даследаванняў у сферы імагалогіі лічацца вядомыя французскія кампаратывісты Ж.-М. Карэ і М.-Ф. Гіяр, якія засяродзілі ўвагу на аналізе вобразаў "чужога", "іншага" ў мастацкіх літаратурных творах менавіта паводле іх этнічнай, духоўна-нацыянальнай, сацыякультурнай і моўнай прыналежнасці. Далейшым развіццём імагалагічнага напрамку літаратуразнаўчай навукі займаліся такія даследчыкі, як Д.-А. Пажо, А. Лорталары, Ш. Корбе, Х. Дызерынк, Ж. Леерсэн, М. Фішэр, Н. Міхальская, Э. Крос і іншыя. Варта адзначыць, што кожнае даследаванне ў рэчышчы імагалогіі дапамагае пераадолець існуючыя ўзаемныя міфы і стэрэатыпы і спрыяе развіццю і ўмацаванню міжнароднай інтэграцыі.

Значным унёскам непасрэдна ў беларускую літаратуразнаўчую навуку і еўрапейскую кампаратывістыку з'явілася калектыўная манаграфія "Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія"[2]2, апублікаваная ў 2022 годзе выдавецкім домам "Беларуская навука". Яе аўтарамі з'яўляюцца вядомыя даследчыкі, кампаратывісты, тэарэтыкі і гісторыкі літаратуры, супрацоўнікі філіяла "Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы" ДНУ "Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі" У. Гніламедаў, М. Мікуліч, А. Вальчук, Н. Бахановіч, Ж. Шаладонава, Т. Барысюк, Н. Якавенка і С. Мінскевіч.

© Часнакова К. В., 2023

[1] У перакладзе з лацінскай мовы – згода ў разнастайнасці.

[2] Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія / Т. П. Барысюк [і інш.] ; навук. рэд. У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч. – Мінск: Беларуская навука, 2022. – 492 с.

Дадзеная манаграфія “прысвечана вывучэнню інтэграцыйных асноў і прынцыпаў развіцця беларускай і еўрапейскіх літаратур – рускай, украінскай, польскай, англійскай, іспанскай і інш. У ёй упершыню ў айчынным літаратуразнаўстве на багатым факталагічным і навукова-тэарэтычным матэрыяле асэнсоўваюцца беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі ў імагалагічным аспекце”. У сямі раздзелах манаграфіі аўтары прадставілі навуковай грамадскасці і шырокай публіцы свае глыбока кваліфікаваныя, грунтоўныя даследаванні, якія поўна і ўсебакова раскрываюць сутнасць такой з’явы, як імагалогія ў беларускай і іншых еўрапейскіх літаратурах, і фарміруюць цэласную карціну яе развіцця на сучасным этапе. Кожны раздзел напісаны з добрым веданнем канкрэтнага матэрыялу, з выкарыстаннем самага сучаснага навукова-тэарэтычнага інструментарыя, але так адначасова прафесійна і даходліва, што нават непадрыхтаваны чытач зразумее дэталі і з цікавасцю будзе вывучаць адзначаную вялікую навуковую праблему.

А. Вальчук, аўтар першага раздзела “Вобраз Іспаніі і іспанцаў у Беларусі”, расказвае аб узнікненні вобразаў Іспаніі і іспанцаў у айчыннай прасторы мастацкай літаратуры, выяўляе спецыфіку іх рэцэпцыі ў творах беларускіх пісьменнікаў у перыяд з XVI па XXI стагоддзе. Матэрыялам даследавання А. Вальчук сталі кампендыумы, мемуарная літаратура, падручнікі па геаграфіі і інш. Так, праведзенае даследаванне дае добрае ўяўленне пра іспанцаў і асноўныя рысы іх нацыянальнага характару.

Другі раздзел “Суседзі і суседства ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя”, напісаны Н. Бахановіч, прысвечаны, па-першае, абгрунтаванню некаторых важных для імагалогіі літаратуразнаўчых тэрмінаў, сярод якіх вобраз, імідж, этнастэрэатып і да т. п., па-другое, актуальнасці імагалагічных даследаванняў для беларускай літаратуразнаўчай навукі, па-трэцяе, вывучэнню (на багатым матэрыяле шматмоўнай літаратуры Беларусі XIX стагоддзя) вобразаў “суседзяў і суседства”. Н. Бахановіч прыходзіць да высновы, што ўспрыманне нават блізкіх суседзяў абумоўліваецца мноствам фактараў, сярод якіх значную ролю адыгрываюць геаграфічныя, ідэйна-палітычныя і інш. Адным з самых цікавых, на нашу думку, падраздзелаў яе працы з’яўляецца “Імагалогія ў навуцы і ў жыцці”, таму што тут аўтар прыводзіць прыклады імагалогіі, якія кожны з нас можа заўважыць у штодзённым жыцці.

Ж. Шаладонава, аўтар трэцяга раздзела “Украінскі дыскурс у беларускай літаратуры XX стагоддзя”, аналізуе тэмы і вобразы Украіны ў рэчышчы катэгорыі іншасці і выяўляе іх адметнасці ў творах беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя. Аўтар звяртае ўвагу на тое, як мастакі слова інтэрпрэтуюць некаторыя падзеі ўкраінскай гісторыі, апісваюць знакамітыя гістарычныя асобы і характары звычайных прадстаўнікоў украінскай нацыі. Яна адзначае, што рэцэпцыя і асэнсаванне ўкраінскай топікі беларускімі пісьменнікамі ўплывае на іх больш глыбокае разуменне “свайго”, нацыянальнага. У падраздзеле “Беларуская Шаўчэнкіяна” Ж. Шаладонава выяўляе спецыфіку вобраза выдатнага ўкраінскага пісьменніка Т. Шаўчэнкі ў творах беларускіх аўтараў (Я. Купала, Я. Колас, А. Гарун, А. Гурло і інш.), уплыў яго творчасці на творчасць айчынных пісьменнікаў.

У. Гніламедаў і М. Мікуліч, аўтары чацвёртага раздзела “Сучасная рускамоўная паэзія Беларусі: імагалагічны аспект”, адзначаюць, што, “адлюстроўваючы характэрныя асаблівасці беларускай сацыяльна-гістарычнай рэчаіснасці, выяўляючы тыповыя рысы ўнутранага свету сучасніка, грамадзяніна Беларусі, рускамоўная паэзія Беларусі заключае ў сабе складаны механізм спалучэння і ўзаемадзеяння багацця і шматстайнасці рускіх і беларускіх нацыянальна-культурных парадыгм, архетыпаў адвечнага народнага мыслення і мадэляў новай літаратурнай сітуацыі, спецыфікі постмадэрнісцкай свядомасці, мастацкіх метадаў, яркіх і арыгінальных творчых індывідуальнасцей, стылявых плыняў, жанрава-структурных формаў і інш.”.

Даследчыкі выяўляюць узаемасувязі паміж беларускай і рускай нацыянальнымі літаратурамі, аналізуюць творчасць паэтаў, якія нарадзіліся і выраслі ў Беларусі (А. Аўруцін, В. Паліканіна, М. Ганчароў, Ж. Мілановіч, А. Міхаленка, В. Норына, А. Скарынкін, А. Цяўлоўскі, Г. Мартынчык, А. Левіна, Л. Крыванос і інш.), паэтаў, якія па розных жыццёвых акалічнасцях пераехалі ў Беларусь з іншых рэспублік былога СССР, пераважна з Расіі (М. Шыпілаў, С. Яўсеева, Ю. Фатнеў, Т. Краснова-Гусачэнка, Г. Кісялёў, Ю. Сапажкоў, Т. Залеская, М. Аляксандраў, Н. Саветная, А. Ступнікаў, Л. Красеўская, М. Наталіч і інш.), паэтаў, якія, нарадзіўшыся ў Беларусі, пераехалі жыць у Расію, Ізраіль, ЗША і г. д., але іх творчасць – з’ява менавіта беларускага літаратурна-

мастацкага працэсу (І. Бурсаў, У. Арцёмаў, П. Кошаль, В. Ліпневіч, Г. Паўлоўская, Н. Трэя, М. Маліноўская, Г. Трэстман, Р. Айзенштат, Ю. Драбкіна, Н. Татур, А. Габрыэль, Р. Лапушын і інш.). Сапраўды, як адзначаюць даследчыкі, “сучасная рускамоўная паэзія Беларусі – гэта яркая сацыякультурная з’ява, якая даўно патрабуе свайго грунтоўнага вывучэння”. Прыкладам гэтага і з’яўляецца дадзены раздзел калектыўнай манаграфіі.

Т. Барысюк у пятым раздзеле “Канцэпты “сваё” і “чужое” ў сучаснай беларускай і брытанскай англамоўнай паэзіі” вывучае вобразы Вялікабрытаніі і брытанцаў у сучаснай беларускай паэзіі; разглядае тэндэнцыі байранізму як наследавання вобразна-тэматычным і ідэйна-жанравым традыцыям выдатнага англійскага пісьменніка; аналізуе вобразна-тэматычныя асаблівасці ірландскай формы лімэрыка ў сучаснай беларускай і брытанскай англамоўнай паэзіі; супастаўляе канцэпты “сваё” і “чужое”, выяўляе іх сувязь з такімі паняццямі, як “архетып”, “міф”, “стэрэатып”, “нацыянальны характар”, “беларускасць” і “англійскасць”. Даследчык асэнсоўвае горад як тэкст, аналізуючы і параўноўваючы вобраз Мінска і Лондана. У выніку аўтар адзначае, што праз падарожжы па свеце, праз веданне іншых моў і культур прыходзіць разуменне нас саміх. Пісьменнікі – гэта людзі з тонкай душэўнай арганізацыяй, якія адчуваюць гэты свет больш глыбока, чым звычайны чалавек, маючы падобны досвед, свядома ці падсвядома адлюстроўваюць яго на розных узроўнях сваіх твораў.

Н. Якавенка ў шостым раздзеле “Вобразы гістарычных асоб ва ўсходнеславянскай прозе пачатку XXI стагоддзя” даследуе створаныя беларускімі, рускімі і ўкраінскімі пісьменнікамі XXI ст. вобразы знакамітых гістарычных асоб, якія пакінулі свой след ва ўсходнеславянскай культуры і пэўным чынам паўплывалі на яе развіццё. Н. Якавенка таксама выяўляе аўтарскую спецыфіку рэпрэзентацыі “сваіх” і “чужых”, знаходзіць агульнае і асобнае паміж імі на старонках празаічных твораў пэўных аўтараў.

С. Мінскевіч у сёмым раздзеле “Асваенне іншасці ў беларускіх перакладах польскай паэзіі” звярнуўся да даследавання і асэнсавання катэгорыі іншасці ў перакладах А. Міцкевіча, а таксама ў творах па матывах польскамоўнай паэзіі. С. Мінскевіч распрацаваў крытэрыі вызначэння імагалагічнага аспекту пры супастаўленні польскамоўных тэкстаў з іх перакладамі. У філалагічным даследаванні крыху нечакана бачыць табліцы і схемы, але яны спрыяюць разуменню матэрыялу і ўзбагачаюць тэкст, акрамя таго, распрацаваны самім аўтарам раздзела.

Уяўленні адной нацыі пра іншыя не могуць быць статычнымі, яны час ад часу змяняюцца. На гэтыя змены ўплываюць розныя фактары: сацыякультурныя, эканамічныя, палітычныя, наяўнасць асабістага досведу стасункаў з прадстаўнікамі іншай культуры і г. д. Па гэтай прычыне трэба ўважліва разглядаць вобразы “іншых” у літаратуры, каб усё ж мець праўдзівае ўяўленне пра той ці іншы народ, тую ці іншую культуру, нацыю, а не ўспрымаць выключна стэрэатыпныя меркаванні. Развіццё імагалогіі, правядзенне даследаванняў у гэтай сферы звязана з неабходнасцю паспрыяць узаемадзеянню, узаемаразуменню паміж народамі.

Прадстаўнікі любой нацыі, дзякуючы супольнай рабоце ў розных сферах жыццядзейнасці (навуцы, мастацтве і г. д.) могуць шмат зрабіць на карысць усяго свету, умацавання стабільных сувязей паміж народамі. Так, аўтары калектыўнай манаграфіі “Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія”, дзякуючы сістэмна-комплекснаму, шматбаковаму падыходу да аналізу мастацкіх твораў беларускай і некаторых еўрапейскіх літаратур, раскрываюць ідэйна-эстэтычную спецыфіку вобразаў “іншага”, “чужога”, што дапамагае лепшаму разуменню айчыннай літаратуры, асэнсаванню вобраза “свайго”, “нашага”, вызначэнню месца менавіта беларускай нацыянальнай літаратуры ў агульнаеўрапейскай навуковай і мастацкай прасторы.

Информация об авторе

Чеснокова Екатерина Вячеславовна – старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: catisnot@gmail.com.

Information about the author

Ekaterina V. Chesnokova – Senior Scientific Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: catisnot@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Onlin)

Паступіў у рэдакцыю 03.01.2023
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-75-77 Received 03.01.2023

Г. В. Навасельцава

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь

ФОТАЛЕТАПІС ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ МАКСІМА ТАНКА

Мікола Мікуліч вядомы ў навуковым і літаратурным асяроддзях Беларусі як даследчык паэзіі – заходнебеларускай паэтычнай спадчыны 1920–1930-х гг., сучаснай беларускай лірыкі, творчасці Максіма Танка і інш. Пра легендарнага песняра Нарачы і Нарачанскага краю ў розныя гады ён апублікаваў чатыры манаграфіі: “Максім Танк і сучасная беларуская лірыка” (1994), “Максім Танк: на скразняках стагоддзя” (1999), “Паэзія рэчаіснасці: у свеце Максіма Танка” (2001), “Максім Танк: талент, заручаны з небам” (2012), якія атрымалі высокую ацэнку спецыялістаў і мелі станоўчы грамадскі рэзананс. Глыбокай дасведчанасцю ў складаных варунках грамадскай, дзяржаўнай і творчай дзейнасці народнага паэта Беларусі, станаўлення і развіцця яго мастацкай індывідуальнасці характарызуецца і падрыхтаваны М. У. Мікулічам фотаальбом “Максім Танк”, які нядаўна пабачыў свет у выдавецтве “Беларуская навука”[1].

Фотаальбом “Максім Танк” з разгорнутай, грунтоўнай прадмовай М. У. Мікуліча, пад навуковай рэдакцыяй акадэміка НАН Беларусі У. В. Гніламедава прысвечаны шматаспектнаму фотаасэнсаванню літаратурнай творчасці, багатай грамадска-культурнай і дзяржаўнай дзейнасці класіка айчыннага прыгожага пісьменства. У альбоме выкарыстаны фотаздымкі з Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў, Дзяржаўнага музея гісторыі беларускай літаратуры, Літаратурнага музея Петруся Броўкі, а таксама з прыватных архіваў Уладзіміра Крука, Юрыя Іванова, Анатоля Каляды, Генадзя Жынкова, Ніла Гілевіча, Алены Глагоўскай. Прадстаўлена поўная, вычарпальная фотакалекцыя, якая можа разглядацца як выдатнае візуальнае ілюстраванне да Збору твораў Максіма Танка ў 13 тамах, падрыхтаванага Інстытутам літаратуразнаўства імя Янкі Купалы НАН Беларусі і выдадзенага ў 2006–2012 гг.

Фоталетапіс жыцця народнага паэта БССР, лаўрэата дзяржаўных прэмій СССР і БССР, Ленінскай прэміі, акадэміка НАН Беларусі Максіма Танка, які ўвасабляе адметныя моманты, пачынаючы з маленства і да смерці пісьменніка, будзе цікавым і карысным не толькі для навукоўцаў, выкладчыкаў, студэнтаў-філолагаў, краязнаўцаў, але і для шырокага кола чытачоў. Гэтаму спрыяе арыгінальная канцэпцыя выдання, у якой візуальны малюнак – непасрэдна фотаздымак – хораша дапаўняецца цікавымі, пазнавальнымі, змястоўнымі меркаваннямі пра асобу класіка прадстаўнікоў літаратуры і культуры, у тым ліку знакамітых, якія непасрэдна і працяглы час ведалі Максіма Танка як пісьменніка і чалавека. У фотаальбоме таксама выкарыстоўваюцца выбраныя вершы паэта, якія выступаюць характэрнай вобразнай квінтэсенцыяй няпростага жыццёвага шляху майстра слова, рэпрэзентуюць яго абвостранае асэнсаванне грамадскіх праблем рознага часу, па-мастацку ўдакладняюць і дапаўняюць створаны візуальны малюнак. Такім чынам, для чытача з розным колам інтарэсаў узнаўляюцца і хрэстаматыйныя вехі біяграфіі класіка, і менш вядомыя моманты з яго жыццяпісу, адлюстроўваецца шматграннае творчае асяроддзе, уплыў якога на развіццё таленту і асобы паэта яшчэ патрабуе паглыбленага літаратуразнаўчага вывучэння.

Разгорнутай прадмовай да фотаальбома выступае глыбокі, ёмісты, змястоўны артыкул аўтара праекта М. У. Мікуліча, укладальніка выдання, “Дарога, закалыханая жытам”, які прысвечаны асэнсаванню таленту Максіма Танка як мастацкага і грамадска-культурнага феномена свайго часу. Як вядома, даследчык быў блізка знаёмы з народным паэтам БССР, працяглы час падтрымліваў з ім сяброўскія стасункі. Пераканаўча даказваецца, што М. Танк, засноўваючыся на традыцыях беларускага фальклору, ідэйна-эстэтычных набытках і дасягненнях папярэднікаў, найперш Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча, *“імкнуўся асэнсоўваць з’явы і працэсы заходнебеларускай рэчаіснасці ў іх анталагічным змесце, бачыць іх духоўна-сацыяльную прыроду”* (с. 7). Выяўляецца ўплыў народнай лірыкі

© Навасельцава Г. В., 2023

[1] Максім Танк : фотаальбом / уклад., прадм.: М. У. Мікуліч ; навук. рэд. У. В. Гніламедаў ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т літаратуразнаўства імя Янкі Купалы. – Мінск : Беларуская навука, 2022. – 303 с.

на фарміраванне мастацкага стылю аўтара, асэнсоўваюцца вытокі яго асацыятыўна-метафарычнага светабачання, экспрэсіўнасці светаадчування.

Трэба адзначыць, што эмацыянальна ўплываюць на чытача і змешчаныя ў фотаальбоме вершы "На касагоры" (1930), "Спатканне" (1936), а таксама вядомы са школьнага падручніка "Паслухайце, вясна ідзе..." (1937). Адмыслова падабраны фотарад паслядоўна паказвае Максіма Танка сярод дзеячаў заходнебеларускага грамадска-культурнага руху, сярод якіх, у прыватнасці, Рыгор Шырма, Янка Шутовіч, Міхась Васілёк, Хведар Ільяшэвіч і многія іншыя. Грамадскую атмасферу таго часу наглядна перадаюць фотаздымкі пісьменніка з сябрамі рэдкалегіі газеты "Наша воля", з удзельнікамі Беларускага студэнцкага саюза і інш. Створаны візуальны вобраз удала дапаўняе вокладка першага зборніка вершаў Максіма Танка "На этапах" (1936), як вядома, канфіскаванага польскай цэнзурай. Разважанні чытача скіроўвае прароцкае сведчанне, выказанае ў 1936 г. Р. Баравым. Ім падкрэслівалася, што мастацкая муза Максіма Танка зарадзілася ў звонкім шуме медна-сасновага наднарачанскага бору. Пеністыя хвалі Нарачы і Мястра, а пазней шырокія этапныя дарогі былі яе калыскай. Прыйшоўшы ў беларускую літаратуру з першым зборнікам, паэт загарэўся на Заходнім небасхіле зоркай першай велічыні: *"Думаем, што нам яшчэ прыдзецца быць сьведкамі, калі ягоны талент падымецца да Вялікага Сузор'я – Купалы-Коласа"* (с. 35).

Дарэчы, як ілюструе адзін з фотаздымкаў выдання, Міхась Лынькоў, Максім Танк, Пятрусь Броўка сустракаліся з Янкам Купалам у Мінску ў 1940 г. А ў 1947 г. Максім Танк у прадстаўнічай літаратурнай кагорце віншуе Якуба Коласа з юбілеем. Пазней, у 1956 г., слынны беларускі пясняр выкажацца проста, шчыра і сардэчна пра свайго маладога калегу: *"Максім. Максім. Моцна ён сядзіць каранямі ў зямлі. Такіх бура не вырывае. Цяжка яму было прабівацца. Вы ўсе па вольнай зямлі хадзілі, а ён спрабаваў голас у такой жа бядзе, як і я калісьці. Толькі на нейкіх трыццаць гадоў пазней"* (с. 53). Як пасведчыць у 1972 г. ужо Пятрусь Броўка, ён сам упершыню пачуў пра Максіма Танка ад Валянціна Таўлая і Алеся Салагуба, а з яго паэзіяй пазнаёміўся дзякуючы Янку Купалу і Якубу Коласу, якім малады заходнебеларускі аўтар даслаў свой першы паэтычны зборнік: "*Помню, як у хаце Янкі Купалы, дзе быў у той час і Якуб Колас, чыталі вершы Максіма Танка. Рэвалюцыйная рамантыка, глыбокая народнасць, нейкая асаблівая лірычная задушэўнасць прасякала іх, і нашы старэйшыны, слухаючы вершы Танка, не раз выказвалі сваё захапленне*" (с. 56).

Як далей працягвае М. У. Мікуліч, трагізм і драматызм Вялікай Айчыннай вайны майстра слова глыбока выявіў у многім з дапамогай сродкаў фальклорна-рамантычнай умоўнасці, яго творчасць ваеннага перыяду грунтуецца на багатай народна-фальклорнай спадчыне. Цалкам заканамерна, што рэпрэзентатыўным творам тут выступае знакаміты верш "Родная мова" (1943), які не будзе перабольшаннем назваць праграмным і для творчасці аўтара, і для беларускай літаратуры гэтага часу ў цэлым. Фотарад прадстаўляе Максіма Танка як супрацоўніка сатырычнай газеты-плаката "Раздавім фашысцкую гадзіну", а таксама ілюструе, што на дарогах вайны побач з творцам знаходзіліся Міхась Лынькоў, Пятрусь Броўка, Пімен Панчанка, Аркадзь Куляшоў, Кандрат Крапіва і іншыя майстры слова, цесныя ўзаемастасункі з якімі не былі страчаны і ў пасляваенны час. Ва ўступным артыкуле слушна падкрэсліваецца, што ў адрозненне ад многіх іншых беларускіх паэтаў *"гераічная канцэпцыя жыцця чалавека, народна-патрыятычныя матывы і вобразы знайшлі сваё развіццё і ў пасляваеннай творчасці М. Танка"* (с. 13). Гэта скіроўвае чытача да самастойных разваг і ўдумлівага вывучэння паэзіі класіка.

Прыцягваюць, а таксама ўтрымліваюць увагу чытача вобразы, якія варта назваць канстантамі ў творчай спадчыне аўтара. Як вядома, скразным для танкаўскай паэзіі з'яўляецца вобраз Нарачы, заяўлены і ў многіх вершах, і ў назвах асобных зборнікаў, што яшчэ раз даказваюць прадстаўленыя фотаздымкі. Ілюстрацыі возера Нарач як вялікай сінь-вады задаюць каардынаты эмацыянальнага ўспрымання асобы пісьменніка, яго адметнага ўнутранага свету. Мы бачым Максіма Танка на Нарачы падчас адпачынку як у адзіноце, так і побач з Якубам Коласам, Максімам Лужаніным, падчас рыбалкі ў непагоду або на маторнай лодцы з Міхасём Лыньковым. Таксама на Нарачы – на ўлонні прыроды – пісьменнік паказаны ў хвіліны творчага натхнення. Гарманічна ўспрымаецца выказанае ў 1985 г. вядомым рускім перакладчыкам Якавам Хелемскім сведчанне пра кнігу "Нарачанскія сосны", якая адзначана Ленінскай прэміяй: *"Чысціня гучання і яснасць думкі, сардэчнасць выказвання і дакладнасць выяўлення, рытмічная разняволенасць і традыцыйная мелодыка – уласцівасці, характэрныя для Танка замалада, у гэтай кнізе знаходзяць асаблівую прывабнасць"* (с. 219).

Думаецца, што вялікім творчым поспехам пісьменнік абавязаны сваёй малой радзіме, духоўная сувязь з якой нязменна сілкавала яго паэтычныя здабыткі. Так, сапраўды, як падкрэслівае М. У. Мікуліч, у сваіх творах Максім Танк *"паэтызаваў родны дом, бацькоўскае котлішча з усім яго шматстайным гаспадарча-побатавым начыннем, асэнсоўваў свой паступовы адыход ад звыклага вясковага ўкладу жыцця, згадваў пачатак пісьменніцкага шляху"* (с. 19). На шэрагу фотаздымкаў у розных ра-

курсах паказана Пількаўшчына, яе ўрочышчы, хутар Жукова – малая радзіма мастака слова, і за розныя гады – фотаздымкі бацькі і маці, Івана Хведаравіча Скурко, Домны Іванаўны Скурко. Дакладна і хораша раскрываюць каларыт часу партрэты старэйшых сваякоў і аднавяскоўцаў з Пількаўшчыны. Дэманструюць цёплую атмасферу ўзаемаразумення і згоды фотаздымкі з уласнай сям'ёй – з жонкай Любоўю Андрэеўнай Скурко, дочкамі Верай і Ірай, з сынам Максімам. Шэраг фотапрыкладаў выяўляе пісьменніка ўжо ў сталым узросце, паказвае яго адпачынак з унукамі на Нарачы.

З прызнанняў самога Максіма Танка вынікае, што ён заўсёды імкнуўся вярнуцца і на Нарач, і да роднай сядзібы. Так, у 1970 г. пісьменнік шчымліва прызнаецца пра адну са сваіх паездак дадому: *"Абышоў я асірацелы свой хутарок. Заглянуў у пуню. Аж галава закружылася ад паху свежага сена, ад успамін. Усё напамінае бацьку: і плуг пад страхой гумна, і каса – над свірнам, і маткі лазы на лапці, і сякера – на дрывотні, і старыя вуллі – у садзе. І нейкі боль сціснуў сэрца. Бо ўжо і мама апошняй свечкай дагарае на гэтай святой для мяне сялібе"* (с. 69). Гэтае сведчанне дапамагае пабачыць партрэт мастака слова ў выразных чалавечых якасцях нават малазнаёмаму з айчыннай літаратурай чытачу, з чаго можа пачынацца і цікавасць да творчай спадчыны класіка, і да беларускага прыгожага пісьменства наогул.

Максім Танк актыўна і мэтаскіравана папулярызаваў беларускае мастацкае слова, айчынную літаратуру, пра што сведчаць яго шматлікія сустрэчы з рознымі сацыяльнымі групамі чытачоў: напрыклад, са студэнтамі фізіка-матэматычнага факультэта БДУ (Мінск, 1948 г.), з чытачамі ў Цэнтральнай кнігарні (Мінск, 1956 г.), з вучнямі сярэдняй школы № 54 (Мінск, 1958 г.), з настаўнікамі піянерскага лагера на Нарачы (1959 г.). Пісьменнік паказаны сярод удзельнікаў рэспубліканскай канферэнцыі бібліятэчных работнікаў (Мінск, 1960 г.), сярод рабочых МАЗа (Мінск, 1961 г.), сярод удзельнікаў вайсковых вучэнняў "Бярэзіна" (1978 г.). Цікавыя, рэдкія фотасюжэты адлюстроўваюць мастака слова ў розныя гады на святе паэзіі ў Вязынцы, на святе паэзіі ў Мікалаеўшчыне, на святе паэзіі ў Ляўках і інш.

Творца выяўляе сябе таксама ў грамадска-культурнай дзейнасці міжнароднага ўзроўню, пра што сведчаць яго паездкі і выступленні за мяжой. Гэта і падарожжа на цеплаходзе "Победа" вакол Еўропы (1956 г.), і наведванне ў складзе савецкай дэлегацыі Кітая (1957 г.), і ўдзел у Тыдні беларускай літаратуры ва Украінскай ССР (1957 г.), у Дэкадзе беларускай літаратуры і мастацтва ў Літоўскай ССР (1960 г.), у Днях беларускай літаратуры ў Тувінскай АССР (1964 г.), у Днях беларускай літаратуры ў Расіі (Краснаярскі край, 1964 г.). Самабытны фотарад ілюструе таксама цікавыя паездкі ў Злучаныя Штаты Амерыкі, Фінляндыю (1960 г.), Чылі (1971 г.) і інш.

Змешчаныя ў фотаальбоме вершы "Рукі маці" (1951), "Ave Maria" (1957), "Перапіска з зямлёй" (1964), "Мыццё бабкі Улляны" (1967), "У парэпанай раме дзвярэй" (1971), "Біяграфічны фільм" (1978), "Мне пагаварыць бы" (1991) рэпрэзентуюць адметнае аўтарскае ўсведамленне шырокага дыяпазону маральна-этычных, духоўных, сацыяльных праблем. Максім Танк, дэпутат і старшыня Вярхоўнага Савета БССР, дэпутат Вярхоўнага Савета СССР, старшыня Праўлення Саюза пісьменнікаў БССР, глыбока асэнсоўваў і творчыя, і грамадскія пытанні і супярэчнасці. Так, яшчэ ў 1954 г. творца звяртае ўвагу на тое, што *"зараз наша беларуская мова, жывыя крыніцы якой перакрыты іншамоўнымі школай, прэсай, радыё, прапагандай і міграцыяй, – усё больш і больш адступае перад экспансіямі суседніх дзяржаўных моў, губляе свае пазіцыі і знікае"* (с. 71). У той жа час творца даказвае ўласным прыкладам, што глыбокі, мэтаскіраваны талент можа надзвычай шмат зрабіць і для развіцця роднай мовы, і для ўзбагачэння роднай літаратуры. У прыватнасці, ужо ў сведчанні за 1978 г. аўтар прызнаецца, што стараецца пісаць лаканічна, што ўсё часцей, не зважаючы на крытыку, парушае мяжу паміж прозай і паэзіяй, паколькі гэтая мяжа, як табу, не існавала для яго з дня нараджэння першых вершаў.

Творчая спадчына класіка беларускай літаратуры заўсёды прыцягвала ўвагу даследчыкаў. Выданне лаканічна падае інфармацыю пра кнігі Уладзіміра Калесніка, Дзмітрыя Бугаёва, Вячаслава Рагойшы, Уладзіміра Міцкевіча, Міколы Арочкі, Анатоля Вераб'я, Міколы Мікуліча, Алены Сузько, Святланы Калядка, Леаніда Дранько-Майсюка, прысвечаныя Максіму Танку. А іх болей, чым пра каго іншага з грамадска-культурнага асяроддзя Беларусі. Такім чынам, фотаальбом "Максім Танк" цікавы і карысны шырокаму колу чытачоў, ён можа быць плённа выкарыстаны ў арганізацыі дзейнасці літаратурных музеяў, у правядзенні выхаваўчай працы сярод моладзі, у папулярызацыі беларускай літаратуры і культуры ў СМІ.

Информация об авторе

Новосельцева Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент. Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (пр-т Московский, 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: novoseltseva.anna@mail.ru

Information about the author

Anna V. Novoseltseva – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. P. M. Masherov Vitebsk State University (33 Moskovskiy Ave., Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: novoseltseva.anna@mail.ru

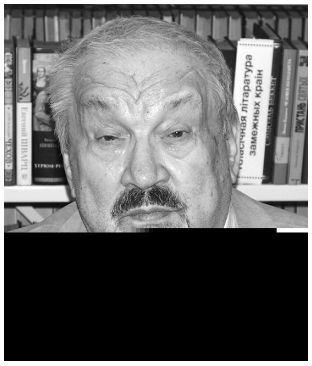
ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

SCIENTISTS OF BELARUS

УЛАДЗІМІР ВАСІЛЬЕВІЧ ГНІЛАМЕДАЎ

(Да 85-годдзя з дня нараджэння)

26 снежня 2022 г. споўнілася 85 гадоў з дня нараджэння выдатнага беларускага літаратуразнаўцы і літаратурнага крытыка, акадэміка, доктара філалагічных навук, прафесара, таленавітага, самабытнага беларускага празаіка, галоўнага навуковага супрацоўніка Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Уладзіміра Васільевіча Гніламедава.

Нарадзіўся У. В. Гніламедаў у в. Кругель (цяпер Камянецкі раён Брэсцкай вобласці) у сялянскай сям'і. У 1954 г. скончыў Кругельскую сярэднюю школу і паступіў на філалагічны факультэт Брэсцкага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А. С. Пушкіна. Пасля заканчэння педінстытута працаваў завучам Тамашоўскага дзіцячага дома і адначасова настаўнікам беларускай і рускай мовы і літаратуры Тамашоўскай сямігодкі Брэсцкага раёна. Служыў у Савецкай Арміі (1959–1961), некаторы час настаўнічаў у Камароўскай сярэдняй школе на Брэстчыне, вучыўся ў аспірантуры пры Інстытуце літаратуры АН БССР (1962–1965). У 1966 г. паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю, прысвечаную даследаванню праблемы традыцый і наватарства ў беларускай літаратуры 1950–1960-х гг., у 1987 г. – доктарскую дысертацыю на тэму «Сучасная беларуская паэзія: творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс».

Уладзімір Васільевіч Гніламедаў фактычна ўсё сваё жыццё займаў адказныя кіруючыя пасады: з 1969 па 1976 г. ён працаваў спачатку інструктарам, а затым загадчыкам сектара мастацкай літаратуры ЦК КПБ, адказваў за работу Саюза пісьменнікаў Беларусі, курыраваў літаратурна-мастацкі працэс рэспублікі, з 1977 па 1999 г., перайшоўшы на работу ў сістэму Акадэміі навук, працаваў загадчыкам аддзела тэорыі літаратуры Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН Беларусі, з 1976 па 1997 г. – намеснікам дырэктара гэтага інстытута па навуковай рабоце і з 1997 па 2006 г. – яго дырэктарам.

У сваіх літаратуразнаўчых работах першага, падсавецкага, перыяду У. В. Гніламедаў засяродзіў сваю ўвагу на важнейшых праблемах развіцця літаратуры і мастацтва – гісторыя і сучаснасць, традыцыі і наватарства, творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс. Манаграфіі вучонага былі звернуты да выяўлення асноватворнага: з чаго нараджаюцца вершы, як узнікае паэзія, што абумоўлівае яе развіццё? У аснову асноў ён паставіў аўтара, асобу творцы з яе душою, свядомасцю, характарам светаадчування і тыпам мыслення, а ў выніку – індывідуальным почыркам, стылявой манерай, мастацкім стылем як першаасновай яго мастацкай своеадметнасці.

Кнігі У. В. Гніламедава «Традыцыі і наватарства» (1972), «Як само жыццё» (1980), «Сучасная беларуская паэзія: творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс» (1983) і іншыя заключалі ў сабе выразны індывідуальны код мыслення, мелі наватарскі характар. Адным з першых у тагачасным савецкім літаратуразнаўстве аўтар адмовіўся ад распаўсюджанага дагэтуль агляднага, нарысавага падыходу, а таксама біяграфічнага, жанравага аналізу літаратурна-мастацкіх з'яў і працэсаў. У аснову вывучэння сучаснай беларускай паэзіі і шырэй – літаратуры ён паклаў прынцып гістарызму і эвалюцыйнага развіцця, якое засноўваецца на вопыце гістарычнага мінулага, на традыцыі нацыянальнага прыгожага пісьменства. Сучаснасць, на думку даследчыка,

Беларусі». З 2002 па 2009 г. ён з'яўляецца акадэмікам-сакратаром Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і адначасова дырэктарам інстытута.

Сёння П. Г. Нікіценка – вядомы вучоны ў галіне палітычнай эканоміі, эканомікі дзяржаўнага будаўніцтва і кіравання. Упершыню ім абгрунтавана і ўведзена ў сусветны навуковы ўжытак паняцце «наасферная эканоміка» як эканоміка, заснаваная на выкарыстанні планетарнага розуму-ведаў; распрацаваны і ў 1990 г. атэставаны Акадэміяй грамадскіх навук пры ЦК КПСС наасферная сацыяльна-эканамічная тэорыя чалавечага развіцця і трохсектарная мадэль грамадскай вытворчасці, сфармуляваны эканамічныя падставы і прыярытэты інавацыйнага развіцця. Пётр Георгіевіч – аўтар тэарэтыка-метадалагічных і метадычных распрацовак па праблемах наасфернай эканомікі, эфектыўнасці інавацыйнага грамадскага ўзнаўлення, нацыянальнай бяспекі, устойлівага развіцця Беларусі ў кантэксце даследавання праблем чалавечай цывілізацыі.

Пэўным вынікам чарговага этапу ў біяграфіі вучонага стала фундаментальная праца «Наасферная эканоміка і сацыяльная палітыка: стратэгія інавацыйнага развіцця». У якасці эпіграфа выкарыстаны словы Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі: «Грамадства не можа існаваць без цэльнага збору ідэй, каштоўнасцей і норм, якія аб'ядноўваюць усіх грамадзян». Акадэмік П. Г. Нікіценка трактуе паняцце «наасферная эканоміка» больш шырока, чым раней, як разумны посткапіталістычны і постіндустрыяльны спосаб грамадскага ўзнаўлення тавараў, работ і паслуг на аснове ўдакладнення інавацыйных вытворчых зносін і пераважна постіндустрыяльных вытворчых сіл з адпаведнымі крытэрыямі эфектыўнасці: ступені адукаванасці чалавека, захоўваннем прыроды дзеля будучых пакаленняў, устойлівым ростам УВП і яго справядлівым размеркаваннем паміж членамі грамадства. У рабоце падкрэсліваецца, што ў трэцяй цывілізацыі дастойнае месца зоймуць тыя дзяржавы, якія фарміруюць у сваіх грамадзян яснае наасфернае мысленне, паколькі менавіта грамадства – не пакінутая прыродай данасць, яно вынік дзейнасці людзей. Менавіта розум і дух чалавека фарміруюць грамадства.

Значнымі з'яўляюцца базавыя ўмовы станаўлення наасфернай эканомікі і сацыяльнай палітыкі. Аўтар манаграфіі падрабязна разглядае тэорыю і функцыі ўласнасці, у тым ліку на прыкладзе нашай краіны, робіць акцэнт на развіццё дасканалай канкурэнцыі шляхам павышэння якасці тавараў і паслуг, а таксама прадпрымальніцтва, бізнесу і фондавага рынку. У выніку разважанняў даюцца рэкамендацыі. У кнізе разглядаюцца падыходы і інструменты ўсталявання механізма інтэлектуальнай уласнасці. Засноўваючыся на навуковым прагнозе, аўтар канстатуе: карэнныя эканамічныя пераўтварэнні немагчымы без стварэння інстытуцыянальнай інфраструктуры, якая «прызначана забяспечыць устойлівасць новых эканамічных зносін, іх увязку ў сістэмным полі і, нарэшце, незваротнасць рэформ». Акадэмік П. Г. Нікіценка падкрэслівае, што інавацыйнае развіццё – не даніна модзе або чыёй-небудзь заўзятасці: «Яно абумоўлена шэрагам прычын і нацэлена на стварэнне посткапіталістычнай і постіндустрыяльнай (наасфернай) эканомікі».

Навуковы кіраўнік інавацыйных дзяржаўных праграм, прагнозаў бізнес-праектаў Пётр Георгіевіч працягвае фундаментальныя даследаванні па эканамічнай і сацыяльнай палітыцы, эканамічнай бяспецы з калектывам вучоных інстытута. Ён аўтар больш за 500 навуковых прац, метадычных дапаможнікаў, энцыклапедычных даведнікаў і слоўнікаў.

Пад кіраўніцтвам акадэміка П. Г. Нікіценкі былі выкананы Комплексныя прагнозы навукова-тэхнічнага прагрэсу на перыяд, у якіх вызначаны прыярытэты і стратэгія інавацыйнага развіцця. Распрацавана Нацыянальная праграма развіцця экспарту Рэспублікі Беларусь, якая стала навуковай асновай фарміравання экспартнай палітыкі, эканамічных зносін Рэспублікі Беларусь. Пад яго кіраўніцтвам Інстытут эканомікі НАН Беларусі распрацоўваў новыя дзяржаўныя праграмы, сярод якіх «Эканоміка і грамадства» і «Нацыянальная бяспека».

Значным з'яўляецца ўклад вучонага ў падрыхтоўку навуковых кадраў. Дзякуючы яму, больш за 200 айчынных і замежных дактароў і кандыдатаў навук працуюць сёння самастойна. На працягу многіх гадоў ён быў старшынёй экспертнага савета ВАК Рэспублікі Беларусь па эканамічных навуках, а сёння ён – член Савета па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый пры Інстытуце эканомікі НАН Беларусі.

Пётр Георгіевіч Нікіценка з'яўляецца членам рэдкалегій шматлікіх айчынных і міжнародных часопісаў.

Акадэмік П. Г. Нікіценка ўнёс значны ўклад у арганізацыю навукі ў Рэспубліцы Беларусь. З яго прыходам на пасаду дырэктара Інстытута эканомікі НАН Беларусі новы імпульс атрымаў працэс фарміравання інстытута як комплекснай эканамічнай навуковай установы, якая спалучае фундаментальныя даследаванні з распрацоўкай мэтавых прыкладных праграм развіцця нацыянальнай эканомікі Беларусі. Для вырашэння гэтых задач у інстытуце былі адкрыты новыя, аптымізаваны існуючыя і адноўлены былыя кірункі навуковай дзейнасці, сярод якіх даследаванні сусветнай эканомікі і міжнародных зносін з сусветнай супольнасцю; распрацоўка пытанняў развіцця і адраджэння вёскі; інавацыйнага развіцця; вывучэнне рэсурснага патэнцыялу і эканамічнай бяспекі і шэраг іншых актуальных напрамкаў. Створаныя ў інстытуце арганізацыйныя структуры дазваляюць забяспечыць выкананне комплексу актуальных сацыяльна-эканамічных даследаванняў.

Пётр Георгіевіч неаднаразова адзначаўся высокімі ўрадавымі ўзнагародамі за дасягненні ў галіне навукі і дзяржаўнай дзейнасці. Ён узнагароджаны медалямі СССР, Ганаровымі граматамі Вярхоўнага Савета БССР і Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, сярэбраным медалём ВДНГ СССР, Ганаровай граматай Навукова-эканамічнага таварыства СССР «За лепшую апублікаваную работу ў галіне арганізацыі і кіравання эканомікай», медалём Францыска Скарыны, залатым медалём Саймана Кузнеца, Ганаровымі граматамі Мінгарвыканкама, ВАКа, Дзяржкамітэта па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь, з'яўляецца лаўрэатам прэмій Прэзідэнтаў трох акадэмій (Беларусі, Украіны, Малдовы) за выдатныя навуковыя дасягненні (2002 г.), Міжакадэмічнага міжнароднага рэйтынга папулярнасці «Залатая фартуна» (2004 г.), узнагароджаны знакам «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь», граматамі міністэрстваў і ведамстваў.

Неаднаразова быў абраны дэпутатам мясцовых Саветаў.

Узрастаючы інтарэс, які акадэмік П. Г. Нікіценка праяўляе да рэалій нашага часу, пакідае надзею на тое, што і далей вучоны будзе ў фарватары навукі і грамадскага жыцця. З юбілеем!

Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
вучоныя Інстытута эканомікі
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ГУСАКОВ
(К 70-летию со дня рождения)

Белорусская земля подарила миру многих известных ученых, которые совершили значимые открытия в гуманитаристике, физике, биологии, медицине и других областях научного знания. Эти традиции успешно продолжают ученые Национальной академии наук Беларуси, которую сегодня возглавляет академик Владимир Григорьевич Гусаков.

Жизненный и научный путь Владимира Григорьевича, как и большинства детей первого послевоенного поколения, был непростым. Он родился 12 февраля 1953 года в семье рабочих совхоза, участника Великой Отечественной войны Григория Яковлевича и Софьи Гордеевны Гусаковых, проживавших в деревне Ботвиново Чечерского района Гомельской области.

За плечами Владимира Григорьевича многие годы напряженного труда. Начинать приходилось тяжело, при весьма скудных материальных возможностях. Целеустремленный, простой деревенский юноша никогда не останавливался на достигнутом. Трудился на равных с опытными работниками, постоянно стремясь постигать новое и неизвестное. Он успешно окончил Белорусскую государственную сельскохозяйственную академию, аспирантуру Белорусского научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства, докторантуру Всесоюзного института экономики сельского хозяйства и защитил докторскую диссертацию. Это был долгий и тернистый путь становления ученого, который привел его к достижению духовной субстанции и устремленности, что принесло плоды научного знания. Как настоящий ученый он никогда не останавливается в научном поиске, верен своей великой миссии – работать на благо общества.

Талант организатора науки и менеджерские качества сполна раскрылись, когда в 2013 году В. Г. Гусаков возглавил Национальную академию наук Беларуси. Подчеркнем, что только те, кто работают рядом с Владимиром Григорьевичем, понимают и ощущают его постоянную требовательность, видят его личные повседневные усилия, отмечают гражданскую ответственность, упорство, стремление вывести отечественную науку на передовые рубежи мирового знания. В кругу единомышленников он указывает на слабые места и творческие изъяны, причем всегда предлагает наиболее оптимальный путь решения проблем.

Необходимо отметить, что эти стремления приносят успех. За последние годы благодаря настойчивости и постоянным научно-организационным усилиям академика В. Г. Гусакова произошли разительные перемены не только в организационной структуре научных организаций НАН Беларуси, но, что особенно важно, – претерпела значительные изменения и тематика исследований, которая обрела практическую направленность и востребованность.

Широкая эрудиция и научно-аналитическое мышление Владимира Григорьевича позволяют ему успешно дискутировать по вопросам, касающимся проблем развития самых разных областей и направлений научного знания. Очевидна глубинная суть многих его идей и устремлений, которые направлены на укрепление белорусской государственности и безопасности страны. Для В. Г. Гусакова более чем понятно, что стремление к эффективности, нормальному поступательному развитию сферы науки сегодня сдерживается ограниченностью ресурсов, находящихся в распоряжении общества. Тем не менее даже в этих условиях он, не останавливаясь сам, увлекает подчиненных искать динамизм в научных разработках.

В то же время творческо-организационный потенциал Владимира Григорьевича направлен не столько на критику, сколько на позитивное мышление, стремление находить рациональные

зерна, выстраивать концептуальные подходы развития тех или иных научных направлений. Несомненно то, что благодаря его целеустремленной научно-организационной работе НАН Беларуси была превращена в мощную научно-производственную корпорацию. Сегодня центры, объединения, опытные производства и экспериментальные базы созданы во всех Отделениях наук НАН Беларуси. Причем они не только проводят научные исследования, но и осуществляют выпуск наукоемкой продукции, изготовленной в большинстве случаев по отечественным технологиям, которая не уступает по качеству лучшим зарубежным аналогам.

Даже в условиях непростой внешнеполитической ситуации Президиум НАН Беларуси уделяет значительное внимание развитию международного научно-технического сотрудничества и наращиванию объемов экспорта высокотехнологичной продукции, работ и услуг. На базе научных организаций НАН Беларуси сегодня действуют 45 международных исследовательских центров (из России, Китая, Вьетнама, Республики Корея, Японии, Германии, Саудовской Аравии, Индии, Азербайджана, Армении, Венесуэлы, Вьетнама, Индонезии, Ирана, Италии). Научные организации Национальной академии наук работают с партнерами из более чем 100 государств, выполняются международные контракты с коллегами из более чем 60 стран. На сегодняшний день осуществляется более 200 договоров о сотрудничестве с научными, научно-производственными центрами по самым разным научным направлениям.

Значительной активностью и практической деятельностью отличается Совет Международной ассоциации академий наук (МААН). С 2017 года функции базовой академии наук в организационном и методическом сопровождении МААН выполняет Национальная академия наук Беларуси, а руководителем Совета МААН является академик В. Г. Гусаков. Международная ассоциация академий наук объединяет 25 организаций (академии наук стран СНГ и других стран, университеты, крупные научные центры). В Международной ассоциации академий наук действует 24 научных совета по крупным научным направлениям, в состав которых входят ведущие ученые в области биологии, вирусологии, нанотехнологий, геологии, истории, науковедения стран СНГ, Китая и др.

Нельзя не отметить и тот факт, что сегодня Владимир Григорьевич является наиболее авторитетным ученым в среде экономистов-аграрников страны, кто внес существенный вклад в поддержание эффективности и обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса. Им лично и под его руководством разработаны концепции и проекты ряда программ, многие механизмы, модели и методики эффективного и устойчивого функционирования АПК. Он является одним из основных авторов и научных руководителей ряда программ реформирования и развития АПК страны в новых условиях, в том числе Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы и Государственной программы устойчивого развития села на 2011–2015 годы, ГПНИ «Сельскохозяйственные технологии и продовольственная безопасность», ГНТП «Инновационные агропромышленные и продовольственные технологии» на 2021–2025 годы.

Академик В. Г. Гусаков внес также значительный вклад в разработку научно-практических проблем развития аграрной науки. Напомним, что с 2002 по 2013 год он успешно возглавлял Отделение аграрных наук НАН Беларуси. При его активном участии в Национальной академии наук были созданы следующие новые, востребованные научные объединения: «Научно-практический центр НАН Беларуси по земледелию», «Научно-практический центр НАН Беларуси по животноводству», «Научно-практический центр НАН Беларуси по механизации сельского хозяйства», «Научно-практический центр НАН Беларуси по картофелеводству и плодоовощеводству», «Научно-практический центр НАН Беларуси по продовольствию». Необходимо отметить, что созданные научно-практические центры – это не только научные учреждения. Сегодня они являются научно-производственными школами внедрения передовых научных агробиологических и агротехнических технологий в реальный сектор развития сельского хозяйства страны.

Следует особо подчеркнуть, что использование научных достижений в практической деятельности позволило не только соединить науку и сельскохозяйственное производство, но и добиться значительных результатов в производстве зерна, мяса, молока и обеспечить продовольственную безопасность Беларуси. Именно благодаря успешному научному обеспечению аграрного производства белорусский агропромышленный комплекс в последние годы не только активно разви-

вается, но и стал прибыльной отраслью народного хозяйства страны. При этом необходимо отметить, что по ряду параметров сельское хозяйство Республики Беларусь не только приблизилось к уровню экономически развитых стран, но и вышло на передовые мировые рубежи агропромышленного производства. Страна впервые в истории стала импортером продукции сельского хозяйства: например, в 2022 году было получено свыше 8 миллиардов долларов от экспорта сельхозпродукции и продуктов питания. Радует, что сегодня белорусское продовольствие поставляется более чем в 100 стран мира. Несомненно, в этих впечатляющих успехах есть и значительный вклад ученого и организатора науки, академика В. Г. Гусакова.

В то же время Владимир Григорьевич уделяет значительное внимание развитию отечественной гуманитарной науки. Практически все крупнейшие международные научные форумы проводятся при его непосредственном участии. Он указывает на проблемы дальнейшего развития гуманитарного знания и отмечает возможности сотрудничества с зарубежными учреждениями. В. Г. Гусаков является автором многих идей, направленных на развитие отечественной гуманитаристики. Благодаря его постоянному вниманию и поддержке были изданы многочисленные фундаментальные труды, в числе которых следует отметить следующие: «История белорусской государственности» в 5 томах, «Республика Беларусь: 25 лет созидания и свершений» в 7 томах, «Кто живет в Беларуси», «Традиционная культура белорусов во времени и пространстве», «Нарысы гісторыі культуры Беларусі» в 4 томах, «Беларусы: Сучасныя этнакультурныя працэсы», «Беларусь: Народ. Государство. Время», «Люди белорусской науки», «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне», «Рыжскі мір 1921 года і Беларусь», «Народны летапіс Вялікай Айчыннай вайны. Успомнім усіх» и др.

Под руководством В. Г. Гусакова на базе Института экономики НАН Беларуси создан и уже несколько лет активно работает междисциплинарный научно-исследовательский кластер «Белорусская экономическая школа». Научное экономическое сообщество страны мобилизует усилия для решения актуальных теоретико-методологических и практических задач в сфере социально-экономического развития страны. Поставлена важная задача, чтобы национальная экономическая наука не являлась инструментарием разрушения социально-экономического развития страны, национальной экономики и не была проводником чуждых нам идей. К сожалению, распад СССР благоприятствовал насаждению в вузовской среде утопических идей свободной рыночной экономики, где государству не позволено защищать интересы национального производителя, что давало возможность транснациональным корпорациям получать конкретные конкурентные преимущества на национальных рынках других стран. В этой связи среди основных задач белорусской экономической школы – участие в формировании и успешной реализации научных и образовательных программ, отстаивающих приоритет национально-государственных интересов Республики Беларусь. С этой целью в 2022 году под руководством Владимира Григорьевича был создан научный коллектив и подготовлено учебное пособие «Современная политэкономия». Представляется, что деятельность белорусской экономической школы позволит не только выявлять новые закономерности в динамично меняющейся экономике, но и на научной основе давать практические рекомендации для соответствующих изменений в политике, экономике и производстве в соответствии с национально-государственными интересами страны.

Успешная деятельность НАН Беларуси, несомненно, связана с огромной работой, направленной на подготовку научной молодежи. Президиум НАН Беларуси под руководством В. Г. Гусакова уделяет первоочередное внимание повышению квалификации национальных научных кадров. Достаточно отметить, что сегодня каждый третий исследователь в Национальной академии наук – молодой ученый в возрасте до 35 лет. В целях совершенствования системы подготовки научных работников академический Институт подготовки кадров в 2022 году был преобразован в Университет НАН Беларуси, который нацелен на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных успешно работать в научных и образовательных учреждениях страны. Президиум НАН Беларуси постоянно нацеливает Совет молодых ученых на активное участие в Республиканском молодежном проекте «100 идей для Беларуси» и конкурсе «100 молодых талантов Национальной академии наук Беларуси». Научная молодежь НАН Беларуси, участвуя в этом конкурсе, занимает достойные места в следующих номинациях: «Энергетика, в том числе атомная

энергетика, и энергоэффективность», «Агропромышленные технологии и фермерство», «Здравоохранение (медицинские технологии, фармация, био- и наноиндустрия)», «Химические технологии, нефтехимия», «Информационно-коммуникационные технологии», «Экология (рациональное природопользование и глубокая переработка природных ресурсов)», «Общество и социальная сфера». Разумеется, именно в научном устремлении молодежи – будущее белорусской науки!

Следует подчеркнуть, что в то же время Владимир Григорьевич уделяет значительное внимание подготовке кадров высшей квалификации. Благодаря его творческим усилиям создана и успешно развивается научная школа по подготовке ученых-экономистов. За годы научно-педагогической деятельности им подготовлено 26 докторов и 16 кандидатов наук, многие из которых успешно работают в научных учреждениях, а также в системе государственного управления и предпринимательства.

Несомненно, В. Г. Гусаков – ученый, наделенный важнейшими человеческими и интеллектуальными качествами, образующими классическую триаду – истины, добра и красоты, которая формирует его духовно-культурный мир и взаимоотношения с окружающими людьми. Именно эти ценностные качества ученого помогают ему добывать, усваивать и развивать научные знания. Он является автором и соавтором более 1200 научных и научно-популярных работ, в том числе многих монографических трудов, книг, учебных пособий и методических рекомендаций. Его научные исследования направлены не только на разработку вопросов теории и методологии развития агропромышленного комплекса, но и на разработку экономических критериев продовольственной безопасности и независимости страны.

Год своего 70-летия выдающийся ученый и организатор науки Владимир Григорьевич Гусаков встречает в хорошей физической и творческой форме, он полон замыслов и идей.

От имени Бюро Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси пожелаем юбиляру творческого долголетия, много удачных научных работ и благодарных учеников – продолжателей его идей и замыслов!

Информация об авторе

Коваленя Александр Александрович – академик, доктор исторических наук, профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by

Information about the author

Alexander A. Kovalenya – Academician, D. Sc. (Hist.), Professor, Academic Secretary of the Humanities and Fine Arts Division of the National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave., Minsk 220072, Belarus). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by